

[illegible]

19–21 ноября 2025 г.

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

THEORETICAL ARCHAEOLOGY AND ARCHAEOLOGICAL THEORY TODAY: NEW PARADIGMS, CONCEPTS, METHODS

BOOK OF ABSTRACTS OF
ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION

19–21 NOVEMBER 2025

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СЕГОДНЯ: НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ, КОНЦЕПЦИИ, МЕТОДЫ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

19–21 ноября 2025 г.

УДК 902/903
ББК 63.4
Т93

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор:

д.и.н. Д. С. Коробов

Рецензенты:

д.и.н. Ш. Н. Амиров

д.и.н. М. Б. Медникова

Теоретическая археология и археологическая теория сегодня: новые парадигмы, концепции, методы. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: Институт археологии РАН. 2025. – 120 с.

Настоящее издание представляет собой сборник тезисов докладов, подготовленных к Всероссийской научной конференции с международным участием «Теоретическая археология и археологическая теория сегодня: новые парадигмы, концепции, методы», (Москва, 19–21 ноября 2025 г.). Конференция посвящена 40-летию отдела теории и методики Института археологии РАН.

В докладах и сообщениях освещается современное состояние теоретической археологии в России и за рубежом, рассматриваются новые концепции и парадигмы в археологической теории. Большинство докладов затрагивает теоретические и методические аспекты современных исследований в археологии: выделение археологических культур, работы с культурным слоем, классификации и типологии археологических источников, социальной и гендерной реконструкции в археологии. Значительный блок докладов посвящен использованию естественнонаучных методов в археологии (геоархеология, металлография, геохимия, геоинформационные технологии и данные дистанционного зондирования и пр.).

Сборник представляет интерес для археологов, историков, студентов высших учебных заведений и для всех, кто интересуется историей отечественной науки.

ISBN 978-5-94375-482-1

DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-482-1

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2025

© Авторы статей, 2025

Электронная библиотека ИА РАН. <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

СОДЕРЖАНИЕ

Амиров Ш. Н., Петрова Н. Ю.

- О распространении навыка изготовления керамической посуды
с помощью поворотного механизма в культурах
позднего неолита Великой Месопотамской равнины 11

Анохин И. В.

- К вопросам о «верхней границе» археологии
и ее нормативном правовом регулировании
в свете исследований полей сражений 14

Берсенева Н. А.

- Социальная археология детства:
современные направления в зарубежной науке 16

Бондаренко С. Ю.

- Возможности математического компьютерного моделирования
для реставрации и презентации сосудов 17

Бородовский А. П.

- Трактовка термина «археологическая культура»
в антропологических исследованиях некрополей
эпохи раннего железа Верхней Оби 19

Варенов А. В.

- «Социологический» подход к интерпретации оленных камней
монголо-забайкальского стиля и наскальных изображений
«стилизированных» оленей 21

Варенов А. В.

- Теоретические основы и примеры семантической интерпретации
ритуальных бронз Саньсиндуя 23

Вдовченков Е. В.

- Социальная археология в современной России: практика
и теория (на примере исследований эпохи
раннего железного века) 25

Воронин К. В.

- Применение физико-химических методов исследования
(SEM/EDS, XRD) для идентификации технологических условий
металлообработки бронзового века
на доисторическом поселении Песочное 1
в Ростовском районе Ярославской области 27

Добровольская М. В.

- Концепция антропогеоценоза в исследованиях
в области исторической экологии человека 29

Дьякова О. В.

- О методологических аспектах исследования
средневековых культур Евразии 31

Елошкин Г. А.

- Теория фронта и археологические культуры
южного побережья Перу на рубеже эр 32

Емельяничик О. А.

- Использование методов антропологии в выделении
разновременных групп захоронений
(на примере исследования Спасо-Преображенского храма
Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря) 34

Епимахов А. В.

- Классификации в археологии и интерпретация градиентов 36

Жилина Н. В.

- Формирование декоративного изображения:
от узнаваемости до неузнаваемости;
от первобытности до средневековья 38

Жуковский М. О., Кочкаров У. Ю.

- Теоретические и методические аспекты
использования тепловизионной съемки
для выявления археологических объектов 40

Журбин И. В.

- Оценка мощности и структуры культурного слоя
по данным дистанционного зондирования
(Кушманское городище Учкакар, IX–XIII вв.) 42

Завьялов В. И., Терехова Н. Н.

- Роль археометаллографии в изучении истории древнего ремесла .. 44

Зими́на О. Ю.

- Археологическая культура и локальный вариант археологиче-
ской культуры как инструменты археологического исследования .. 46

Исланова И. В.

- Ранний железный век и раннее Средневековье
в тематике Тверских археологических семинаров
и конференций 1993–2023 гг. 48

Кияшко А. В.

- О структурно-семантическом методе изучения
погребального обряда 50

Ковалевская В. Б.

- Механизм смены и развития археологических культур –
теоретический подход 52

Кокорина Ю. Г.

- Ситуация в археологической терминологии и пути ее изменения 54

Колонских А. Г.

- Теоретические аспекты выделения и систематизации археоло-
гических микрорайонов (на примере памятников бахмутинской
археологической культуры) 56

Колосов В. П., Гиблова А. А., Покидышева А. А.

- Анализ морфологии фасосских амфор
статистическими методами 58

Колпаков Е. М.

- Забываемый объект и предмет археологии 59

Комиссаров С. А., Кудинова М. А.

- О категории «цивилизация» в китайской археологии 61

Коробов Д. С.

Теоретическая археология в современной российской науке: тенденции и перспективы	63
---	----

Крадин Н. Н.

Археология глобализации	65
-------------------------------	----

Лебедев М.А.

Место археологических источников в египтологии (к дискуссии о роли и возможностях археологии в изучении древних письменных обществ)	67
---	----

Лихтер Ю. А.

Модели и методы их применения в археологии	69
--	----

Мануилова Е. А.

Палеогеографическая реконструкция очертаний Азиатского Боспора	70
---	----

Медведева М. В.

Первые опыты аэрофотосъемки археологических памятников в Российской империи	72
--	----

Мельник В. И.

Установление культурной преемственности в археологическом исследовании	74
---	----

Мокрушин В. П.

О сходстве и отличиях форм лепной посуды	76
--	----

Наугольных С. В.

Значение аналитических данных (микробиоморфы, геохимия, гранулометрия) для геоархеологи- ческих и палеогеографических реконструкций (на примере раннепалеолитического памятника «Кинжал», Кавказские Минеральные воды, Ставропольский край)	78
---	----

Науменко В. Е., Ганцев В. К.

Некоторые итоги изучения округа Мангупского городища (Юго-Западный Крым): от традиционных методов к новым практикам	80
---	----

Плеханова Л. Н.

- Культурные слои – зольники
как объект палеопочвенного изучения 82

Саканиа С. М., Требелева Г. В.

- Становление абхазской археологии после Отечественной войны
народа Абхазии 1992-1993 гг. 83

Сарапулкина Т. В.

- Памятник археологии после раскопок – быть или не быть?
теоретические и методические аспекты современных охранных
исследований в археологии 85

Синицын А. А.

- Первобытная и историческая археология: проблема единства
и различий методологии исследования 87

Сорокин А. Н.

- Культурный слой в археологии и геоархеологии 89

Суханов Е. В.

- Формы сосудов из археологических памятников:
«за пределами» типологии и классификации 91

Татаурова Л. В.

- Теоретические и методические аспекты археологических
реконструкций материальной культуры Нового времени 93

Тишкин А. А.

- Об использовании структурированных понятий
при формировании периодизации, культурно-хронологических
схем и археологическом датировании 94

Тишкин А. А., Бондаренко С. Ю.

- «Оленные» камни: проблемы использования понятий,
современные методы документирования и результаты изучения 96

Ткач Е. С.

- Между мирами земледельцев
и охотников-рыболовов-собирателей:
субнеолит в археологии позднего каменного века Евразии 98

Ткачев А. А.

- Семья в андроновском обществе: ограничения и потенциал
исследования (по материалам парных погребений) 100

Файферт А. В.

- Современная парадигма археологической науки
и перспективы развития 102

Цетлин Ю. Б.

- О содержании и структуре теории археологии
(взгляд с позиций историко-культурного подхода) 104

Шведчикова Т. Ю.

- Тафономия в археологии и антропологии:
об идеях И. А. Ефремова 106

Шутелева И. А., Щербаков Н. Б.

- Проблема исследования личных материалов В. Г. Чайлда
на примере сохранившихся записей
в Отделе рукописей архивов Кембриджского университета 108

Якимов А. С., Чечушков И. В.

- Геохимические исследования культурных слоев
поселений поздней бронзы Южного Зауралья
(анализ методических подходов) 110

Яценко С. А.

- Проблемы изучения сарматских культур 111

СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ 113

Ш. Н. Амиров, Н. Ю. Петрова

*Институт археологии РАН
(Москва)*

О РАСПРОСТРАНЕНИИ НАВЫКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ С ПОМОЩЬЮ ПОВОРОТНОГО МЕХАНИЗМА В КУЛЬТУРАХ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ВЕЛИКОЙ МЕСОПОТАМСКОЙ РАВНИНЫ

1. Период от начала внедрения и до широкого использования поворотного устройства для производства керамической посуды в Месопотамии занял длительный интервал времени, который растянулся от конца VII до конца V тыс. Наиболее отчетливые свидетельства раннего использования поворотного механизма на месопотамской керамике связаны с нанесением горизонтальных и часто почти идеально параллельных, замыкающихся в кольцо линий. Признаки использования поворотного механизма для конструирования формы сосудов становятся очевидными значительно позднее.

2. Первичное использование поворотного механизма для производства керамических сосудов фиксируется на керамике 'убейдской культуры Южной Месопотамии. Время бытования 'убейдской археологической культуры охватывает интервал от конца VII до конца V тыс. до н.э. Принято совокупно выделять до шести периодов эволюции этой культуры от раннего 'Убейд 0, до наиболее позднего периода 'Убейд 5. Уже наиболее ранняя керамика этой культуры была декорирована с возможным использованием вращения, а керамика периода 'Убейд 4 и более позднего времени имеет очевидные признаки не только декорирования, но формовки на поворотном устройстве.

3. Ареал распространения самаррской культуры занимает промежуточное положение между степным поясом «Плодородного Полумесяца» и аллювиальной равниной Южной Месопотамии. На юге самаррская ойкумена граничила с памятниками 'убейдской культуры, а на севере с памятниками хассунской, а позднее и халафской культур. Выделяют три основных периода бытования самаррской культуры (ранний, классический и переходный этап поглощения самаррской культуры 'убейдской). Первые контакты самаррской и 'убейдской культур фиксируются, начиная с раннего этапа освоения оседлым населением аллювиальной равнины. В течение периода 'Убейд 1 отмечена пер-

вая волна миграции населения аллювиальной равнины на территорию традиционного распространения самаррской культуры. С начала периода 'Убейд 2 фиксируется ее широкое распространение и аккультурация самаррской культуры 'убейдской. Примеры использования поворотного механизма для нанесения элементов декора на самаррской керамике фиксируются, начиная со среднего (классического) периода бытования этой культуры.

4. Территорией распространения хассунской культуры является степь Северной Месопотамии. В абсолютных датах время бытования хассунской культуры смещено к интервалу второй половины VII – первой трети VI тыс. до н.э. Выделяется три основных периода эволюции хассунской культуры (протохассунский, архаический и стандартный). Ойкумена хассунской культуры в районе долины Тигра соприкасалась с территорией распространения самаррской культуры. Наиболее ранние известные в настоящее время материалы классического этапа самаррской культуры одновременны раннему этапу стандартной хассуны, а наиболее поздние – времени начала бытования халафской культуры. «Переходный» этап аккультурации самаррской культуры 'убейдской одновременен раннему этапу развития халафской культуры. Также следует отметить, что свидетельства прямых контактов между носителями хассунской и 'убейдской культурой не известны. На хассунском поселении Ярым-Тепе 1 в слоях стандартного этапа были выявлены самаррские керамические импорты с очевидными признаками нанесения декора при помощи поворотного механизма.

5. В степном поясе Северной Месопотамии хассунскую культуру дискретно сменяет халафская культура, которая существует ближе ко второй половине VI – началу V тыс. до н.э. Периодизация халафской культуры позволяет дифференцировать четыре основных этапа эволюции. Расселение носителей 'убейдской культуры и распространение в Северной Месопотамии их культурных навыков повторили модель контактов самаррской и 'убейдской культур. В результате этих контактов, халафская культура перестала существовать, подобно тому как ранее исчезла самаррская культура.

Все керамические сосуды из нижних строительных горизонтов халафского поселения Ярым-Тепе 2 были формованы и декорированы исключительно методом ручной лепки. С другой стороны, среди коллекции керамики поселения Ярым Тепе 2 была выявлена одна группа керамических сосудов, для росписи которых были отмечены следы очевидного использования поворотного механизма, что видно из широкого

применения при декорировании тонких идеально ровных горизонтальных линий, нанесенных кистью, которые замыкаются в кольцо, что возможно только при центрированном вращении сосуда. Морфологически это сосуды колоколовидной формы, не известные в нижней части культурного слоя Ярым Тепе 2. Своим происхождением они связаны с Южной Месопотамией, где они были широко распространены, начиная с раннего периода существования 'убейдской культуры. Впервые такие сосуды были зафиксированы в отложениях Ярым-Тепе 2 в слоях, датируемых концом среднего периода халафской эволюции, где они составляли примерно 2% от всего количества расписной керамики. Уже в конце позднего периода, количество колоколовидных сосудов достигает 10-15%, а в конце жизни поселения, на переходном халафско-'убейдском этапе, эта разновидность сосудов становится наиболее многочисленной формой среди всей расписной керамики.

В керамической коллекции Ярым-Тепе 2 были также отмечены отдельные случаи комбинированного производства аутентичной халафской керамики, когда формовка сосудов была очевидно сделана методом ручной лепки, а тонкие горизонтальные линии расписного орнамента наносились при помощи центрированного вращения. Однако, в верхних слоях поселения на некоторых сосудах как колоколовидной, так и других форм фиксируются признаки одновременного использование ротации как для нанесения декора, так и для придания формы.

И. В. Анохин

*Институт археологии РАН
(Москва)*

К ВОПРОСАМ О «ВЕРХНЕЙ ГРАНИЦЕ» АРХЕОЛОГИИ И ЕЕ НОРМАТИВНОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ

Одним из фундаментальных вопросов теории археологической науки, помимо вопроса о собственной роли и месте в системе гуманитарных наук, является вопрос хронологических границ ее исследования. Учитывая сложившиеся в научной среде подходы к решению этого вопроса, формируется национальное законодательство об охране археологических памятников и предметов, напрямую влияющее на деятельность как самих археологов, так и множества взаимосвязанных с ними отраслей экономики, государственных, общественных и коммерческих институций.

Определение верхней границы археологии представляет собой сложный и многогранный вопрос, решение которого невозможно без глубокого теоретического обоснования. Учитывая актуальность и важность данной проблемы, научное сообщество в разных странах продолжает активные дискуссии по этому вопросу, однако на сегодняшний день они не привели к консенсусу и остаются открытыми для продолжения.

Два основных сформировавшихся подхода можно условно разделить на датирующий и идентифицирующий. Сторонники датирующего подхода фокусируются на определении конкретной календарной даты, которая могла бы служить верхней границей археологии. Идентифицирующий подход акцентирует внимание на специфических признаках, которые позволяют отнести объект к сфере археологического изучения вне зависимости от его датировки.

В настоящее время в России, в соответствии с положениями закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», действует «плавающая» граница археологии – 100 лет от текущей даты, т.е. датирующий подход.

Учитывая отечественный и зарубежный опыт, а также позиции, выработанные научным сообществом археологов и правоведов, пред-

составляется целесообразным рассматривать вопрос о внедрении в отечественное нормативное правовое регулирование принципа совмещения двух подходов. В частности, сохранить установление в законодательстве верхней временной границы археологии, которая бы обеспечивала гарантированную защиту объектов, находящихся в общепризнанных хронологических рамках, что, безусловно, является необходимым условием сохранения культурного наследия, и вместе с тем разработать и утвердить критерии, позволяющие идентифицировать более «молодые» объекты, обладающие существенной историко-культурной значимостью, утрата которых может повлечь значительные потери для исторической науки, в качестве объектов археологии. Такой подход, как представляется, позволит сбалансировать научные и правовые аспекты охраны археологических памятников.

Предложенный комбинированный подход к правовому определению области археологической науки особенно актуален для сохранения археологизированного военно-исторического наследия – полей сражений и материальных остатков военной деятельности человека. Если выработка нормативных критериев для определения ценности тех или иных объектов Нового и Новейшего времени в качестве археологических часто затруднительна, то порядок отнесения военно-исторических объектов к таковым представляется достаточно простым и, одновременно, крайне важным и показательным.

Н. А. Берсенева

*Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург)*

СОЦИАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ДЕТСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Изучение детей и детства в древности имеет относительно короткую по меркам археологической науки историю. Формальный отчет ведется с публикации норвежского ученого Греты Лиллехаммер “A child is born. The child’s world in an archaeological perspective” («Ребенок родился. Мир детей в археологической перспективе») (Lillehammer, 1989). В этой, по сути, программной статье, автор доказывала, что без идентификации и изучения «мира детей», археология не сможет понять и «мир взрослых», и, следовательно, не сможет реконструировать древний социум и отношения людей внутри него во всем многообразии. До конца прошлого столетия, «детское» направление было частью феминистского подхода в зарубежной археологии, когда вклад женщин и детей в жизнь древних обществ считался недооцененным и недостаточно изученным. Однако, археология детства развивалась настолько быстро, что уже в начале XXI века стала отдельным серьезным направлением в социальной археологии. В настоящее время за рубежом изданы десятки монографий, посвященных реконструкции по археологическим данным различных аспектов жизнедеятельности детей от палеолита до Нового времени. Этот массив информации нуждается в осмыслении, которое поможет вписать российские исследования в общемировой тренд. Целью предлагаемого доклада является обзор современного состояния и анализ тенденций развития «археологии детства» в зарубежной археологической науке.

С. Ю. Бондаренко

*Алтайский гос. университет
(Барнаул)*

ВОЗМОЖНОСТИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ РЕСТАВРАЦИИ И ПРЕЗЕНТАЦИИ СОСУДОВ

Современные исследования уже невозможны без применения информационных технологий. В археологии традиционно особое внимание отводится изучению натуральных образцов. Поэтому целесообразно использовать такой современный инструментарий, как технологии оцифровки реального объекта и изучение цифровой копии, что позволяет получить множество дополнительных характеристик и расширяет возможности для объективных интерпретаций. Создание такой копии представляет собой сложную задачу. Одним из способов ее решения является фотограмметрия, с помощью которой можно создавать трехмерные модели на основе множества фотоснимков, обеспечивая детальное и точное воспроизведение формы, структуры и особенностей объекта. Модель можно использовать для всестороннего изучения.

В данном сообщении рассмотрим технологию компьютерной реставрации наиболее вероятной формы керамических сосудов, близких к объектам вращения. Эта технология особенно актуальна при реставрации сильно поврежденных артефактов, где значительная часть исходной формы утрачена. Работа с 3D-моделью позволяет не только визуализировать предполагаемую исходную форму, но и оценивать достоверность и геометрическую корректность проведенной реставрации, обеспечивая объективную оценку работы. Задача реставрации утраченных фрагментов очень вариативна и неоднозначна. Она требует тщательного анализа сохранившихся частей объекта для определения допустимых границ вариаций его геометрии. Эти границы задаются не только неточностями в изготовлении сосуда мастером, но и погрешностями, неизбежно возникающими в процессе самой реставрации. Анализ проводится путем построения серии продольных и поперечных сечений, проходящих через ключевые точки объекта. Эти сечения, соединяясь с помощью специально подобранных кривых, воссоздают общую трехмерную форму сосуда, наиболее точно приближающуюся к его изначальному виду. Ключевое предположение, лежащее в основе данного

метода, состоит в том, что закономерности, проявляющиеся в сохранившихся частях сосуда, с высокой вероятностью сохраняются и в его утраченных фрагментах, что позволит построить своего рода «коридор допустимых отклонений» для реконструируемых участков. В рамках этого коридора имеется возможность моделировать возможные варианты форм, оценивая их релевантность на основе анализа сечений и общего соответствия геометрическим закономерностям объекта. Более того, цифровая модель позволяет экспериментировать с различными вариантами реставрации, визуализируя и сравнивая результаты, что существенно повышает точность и обоснованность работ, а также создает возможности проводить строгий анализ геометрической корректности, минимизируя субъективность и обеспечивая более высокую достоверность полученных результатов. Представленная технология в экспериментальном режиме уже отработана на разбитых сосудах из курганов пазырыкской культуры и доказала свою состоятельность. Данная практика продолжена в рамках имеющейся серии находок.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00470-П.

А. П. Бородовский

*Институт археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск)*

ТРАКТОВКА ТЕРМИНА «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НЕКРОПОЛЕЙ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ВЕРХНЕЙ ОБИ

В настоящее время, при интерпретации антропологами термина и понятия «археологическая культура» на примере анализа материалов некрополей эпохи раннего железа Верхней Оби характерно несколько тенденций. Во-первых, некорректное использование наименования «большеченская культура» по отношению к этим погребальным комплексам, который на основании современных данных не соответствует времени существования этих некрополей. Во-вторых, непоследовательность, избирательность и противоречивость использования термина «большеченская культура» в современных антропологических исследованиях, в которых либо не учитываются, либо игнорируются не только многие историографические стороны этой проблемы, но и современное состояние археологической источниковой базы и уровней ее интерпретации. В-третьих, для археологов и антропологов характерны совершенно различные критерии представления о хронологической глубине материалов, подверженных изучению. Если археологи всячески стремятся к более дробной и узкой хронологии, опирающейся на конкретные датировки, то антропологи в лучшем случае оперируют общей археологической периодизацией, порой углубляясь в более далекие археологические эпохи (бронзы и камня). В свою очередь, все это достаточно объемно отражает не только несостыковки и несоответствие результатов археологических и антропологических исследований, но также разницу представлений взаимоотношений «культуры и антропологии» у специалистов различного профиля.

Для современной, адекватной трактовки термина и понятия «археологическая культура» явно необходим учет феномена поликультурности, характерного для эпохи раннего железа в целом. В лесостепной территории юга Западной Сибири такая культурная особенность древнего населения достаточно детально исследована на материалах Быстровского некрополя (Быстровка-1,2,3). Комплексность (археологические, антропологические и естественнонаучные исследования),

сложная организация некросферы этого некрополя и длительность существования населения березовского исторического этапа раннего железного века Верхней Оби, а также представителей кулайской и саргатской культурной традиций позволяют детально рассмотреть вопросы корреляции в формате «археологическая культура и антропологическая атрибуция». Для исторических реконструкций взаимодействия различных археологических культур, хорошо датированные материалы ряда масштабных некрополей Верхнего Приобья, формировавшихся в течение продолжительного периода эпохи раннего железа, имеют особое значение.

В целом, феномен поликультурности по данным археологии в Быстровском некрополе представлен с различной степенью достоверности на нескольких уровнях (погребальном, планиграфическом, предметном, ритуальном). В этой связи, следует еще раз подчеркнуть, что в антропологических публикациях последнего времени фигурируют явно некорректные дефиниции по отождествлению материалов некрополей эпохи раннего железа Верхней Оби с «большереченской» культурой, выделенной М. П. Грязновым, а в дальнейшем модернизированной Т. Н. Троицкой. Во-первых, в настоящее время, использование такого термина крайне дискуссионно для Верхней Оби в целом. Во-вторых, в ряде публикаций была выдвинута точка зрения о том, что для южного участка Верхней Оби (Барнаульское Приобье) большереченская культура соответствует переходному периоду от эпохи поздней бронзы к раннему железу (начало I тыс. до н. э.), не имеющего прямых эволюционных связей (этапов) с культурными образованиями второй половины I тыс. до н. э. В-третьих, на основании комплексных исследований с привлечением естественнонаучных методов по материалам Быстровского некрополя, не выявляется хронология, соответствующая как широкой трактовке «большереченской культуры», так и ее отдельных (большереченского, бийского и березовского) этапов в их предшествующем, традиционном понимании. Такой конкретный материал отражает не только противоречия, но и проблемы исторических реконструкций, основанных на археологических источниках, включая вопросы различных проявлений культурных отличий. Учет таких особенностей позволяет не только модернизировать трактовку содержания понятия «археологическая культура», но и наметить пути для преодоления кризисных явлений в современном использовании этого термина.

А. В. Варенов

*Новосибирский гос. университет
(Новосибирск)*

**«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ» ПОДХОД
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ
МОНГОЛО-ЗАБАЙКАЛЬСКОГО СТИЛЯ
И НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ «СТИЛИЗОВАННЫХ» ОЛЕНЕЙ**

Еще свыше сорока лет назад Э. А. Новгородова писала, что структура оленного камня, связь трех его частей (разделенных линиями ожерелья и пояса) передает «суть строения вселенной», а «сам монумент – гимн предку, давшему жизнь потомкам» и «большее место и роль на нем отводится тотемному образу – оленю» (Новгородова, 1984. С. 109). Отсюда остается всего один шаг до вывода, что если олень – это тотем древнего коллектива, то отдельные его изображения на стеле-макрокосме соответствуют образующим данный коллектив социальным группам, скорее всего, носящим родовой характер. Предложенная рабочая гипотеза заключается в том, что создавшее оленные камни общество имело дуально-экзогамную родовую организацию. Поскольку космология родового общества, как правило, соответствует его социологии, то количество оленей (каждый из которых символизировал отдельный род) на каждой стеле, олицетворяющей первопредка племени (а значит, не только микрокосм, но и макрокосм всего данного коллектива), должно быть четным, а часто и кратным четырем.

Проверить высказанную гипотезу можно путем подсчета оленей на всех плоскостях каждого из камней местонахождения Ушкийн Увэр в Монголии. Естественно, что для подсчета подходят только полностью сохранившиеся камни, без утраченных фрагментов с изображениями оленей. Подсчет должен вестись по отдельным плоскостям каждого камня, в конце описания цифры суммируются. В случае, если фигуры оленей переходят с одной поверхности камня на другую, в качестве реперных точек для отнесения их к той или иной плоскости принимаются изображения глаз животных. Индикатором сохранности верхней части камня считается наличие на его боковых гранях серег. На всех сохранившихся относительно целыми оленных камнях Ушкийн Увэра количество оленей делится на два, а камнях №№ 2, 4, 7, 14 – еще и на че-

тыре (т.е., на 11, 12, 7 и 8 фратрий соответственно), что может служить подтверждением высказанной гипотезы.

Исследователи наскальных изображений Монгольского Алтая подчеркивали, что «расположение рисунков оленей в петроглифах по диагонали <...> идентично размещению их на многих оленных камнях Центральной Азии. Видимо, одинакова и семантика таких сюжетов для двух видов различных археологических памятников» (Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005. С. 98). Если их рассуждения верны, то предложенным нами для объяснения семантики оленных камней правилам древней социологии (дуально-экзогамная родовая организация) должны соответствовать и изображения оленей на петроглифах. Подсчеты по публикациям петроглифов Монгольского Алтая показывают, что численно преобладают наскальные композиции с одним, с двумя и с четырьмя оленями, что подтверждает высказанное предположение. Фигура отдельного стилизованного оленя на скальной поверхности свидетельствовала о желании члена древнего социума обозначить свой род, аналогично нанесению на скалы тамги в более поздний период.

А. В. Варенов

*Новосибирский гос. университет
(Новосибирск)*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРИМЕРЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РИТУАЛЬНЫХ БРОНЗ САНЬСИНДУЯ

Саньсиндуй – культура эпохи бронзы, распространенная в последней четверти II тыс. до н.э. в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие ритуальных бронзовых отливок, в том числе деревьев, антропоморфных фигур, голов и масок, найденных в 1986 г. в двух жертвенных ямах JK1 и JK2 на территории эпонимного городища, что открывает возможности для реконструкции мировоззрения саньсиндуйцев.

По нашему мнению, реконструкции мировоззрения древних на археологическом материале можно признать удачными, если рассматривается не какой-то взятый отдельно элемент декора или фигура, а достаточно сложная (лучше многофигурная) композиция. В идеальном случае ей соответствует законченный мифологический текст. Однако общая интерпретация (без конкретных деталей) возможна и при отсутствии релевантного текста, исходя из структуры самого изделия и мифологических аналогий из других культур. Продемонстрируем оба подхода на конкретных примерах.

Большинство исследователей считают, что в Саньсиндуйе существовал развитый солярный культ, подтверждением чего служат так называемые бронзовые «священные деревья» (или «деревья духов»). Самым известным китайским солярным мифом является история о десяти солнцах. Вот как излагает начало этого мифа Юань Кэ: «В бурлящем море росло громадное дерево фусан в несколько тысяч чжанов высотой и толщиной в тысячу чжанов. На этом дереве и жили десять солнц» (Юань Кэ, 1989. С. 139).

Бронзовых «деревьев духов» в Саньсиндуй найдено два. Первое дерево общей высотой 396 см, а диаметр круглого основания – 92,4-93,5 см. На этом основании покоится трехногая опора, видимо, изображающая гору, на вершине которой закреплен вертикальный ствол дерева. На стволе в три яруса располагаются девять ветвей. На каждой из девяти ветвей сидит птица с хищным загнутым клювом, а вдоль одной

из сторон ствола к корням дерева спускается рогатый дракон. Вершина этого дерева обломана. Второе дерево полностью не сохранилось, но, в целом, его можно считать идентичным первому. Учитывая, что солнце в древнем Китае представляли в виде трехногого ворона, соответствие записанному мифу поразительное.

Внимания заслуживает и т.н. «священный алтарь» (или «алтарь духов») из Саньсиндуня. На основе его анализа можно попытаться реконструировать местную систему мироздания и при отсутствии мифологического текста. «Священный алтарь» мог являться «моделью мира» с трех-/пятичастным делением по вертикали и четырехчастным по горизонтали, где нижний мир был представлен в двух слоях зооморфным существом и попирающими его четырьмя духами-хранителями. Средний мир – уровень покоящихся на головах «хранителей» четырех «мировых» гор. Верхний мир в рассматриваемой модели, так же, как и нижний, двухслоен: опирающийся на вершины гор «небесный чертог» с коленопреклоненными антропоморфными фигурами и витающие над «чертогом» орнитоморфные небесные духи или божества.

Е. В. Вдовченков

*Институт востоковедения РАН
(Москва)*

СОЦИАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРАКТИКА И ТЕОРИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА)

В докладе будут проанализированы современные исследования в области социальной археологии эпохи раннего железного века. В настоящее время социальная археология находится на обочине традиционных археологических исследований – не проводятся тематические конференции и секции, а сборники и специализированные выпуски журналов выходят не очень часто (редкий пример – «Мультидисциплинарные исследования в археологии», 2024, № 2). Но различные аспекты социальной археологии, тем не менее, анализируются в рамках археологических работ. Здесь, конечно, сказывается тенденция историзации археологии, характерная для отечественной науки в советское время в рамках марксистской парадигмы, но продолжающаяся и в настоящее время.

В отечественной социальной археологии распространены два методологических подхода и одна псевдометодологическая установка – это марксизм, неозволюционизм и эмпиризм, т.е. установка на отрицание любых теорий. Отрицание теорий не приводит авторов к освобождению от теории (любой факт, как таковой, не может быть свободен от того или иного теоретического наполнения). Опыт показывает, что в реальности авторы, которые проповедуют такой эмпирический пуризм, на самом деле фактически опираются на усвоенную в качестве фундаментальной установки марксистскую парадигму. Здесь играет свою роль и наследие советского времени, и простота и ясность марксистской парадигмы (что, конечно же, не означает корректного отображения реалий прошлого). Но главная причина популярности заключается в том, что прошлое надо как-то описывать, и с языком марксистской парадигмы в ее советской версии исследователи лучше знакомы (классообразование, военная демократия, феодализм, родоплеменное общество и т.д., и т.п.).

Но в целом следует признать, что теория – материя, чуждая обычному археологическому исследованию. И если в работах коллег мы мо-

жем ожидать много интересных наблюдений и замечаний по разным аспектам обществ прошлого, то системное изложение социальных моделей и социальных реконструкций – вещь очень редкая, требующая хорошего знакомства с современной антропологической литературой и методиками реконструкции.

Значительную роль стали играть новые естественнонаучные методы – исследования изотопов, позволяющие оценить мобильность и диету древнего населения, работы в области палеогенетики, экологические реконструкции и т.д. Эти методы дают новые перспективы социальным исследованиям в археологии и открывают новые возможности. Но вопрос о применяемых исследовательских моделях остается открытым, наряду с новейшими методами в археологии необходимо осмысление особенностей процесса как культурогенеза, так и социогенеза, особенности отражения социальных структур и процессов в археологическом материале. Исследователи интуитивно подходят к проблеме анализа обществ прошлого, ставят на первое место знание материала, но теория не поспевает за тем массивом данных, которые археологическая наука получила в настоящий момент.

К. В. Воронин

Институт археологии РАН (Москва)

**ПРИМЕНЕНИЕ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИХ МЕТОДОВ
ИССЛЕДОВАНИЯ (SEM/EDS, XRD)
ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ
МЕТАЛЛООБРАБОТКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА
ДОИСТОРИЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ПЕСОЧНОЕ 1
В РОСТОВСКОМ РАЙОНЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ**

В ходе геоархеологических исследований на доисторическом поселении Песочное 1 в образцах культурного слоя бронзового века (РФА анализ) было зафиксировано восьми-пятнадцати кратное превышение в содержании Cu в сравнении с фоновыми значениями Cu в одновременных культурному слою погребенных почвах, маркирующее активную металлообработку первой половины II тысячелетия до н.э.

Последующее физико-химическое исследование (SEM/EDS, XRD) артефактов, связанных с проведенными на поселении плавками металла, и образцов грунта из места проведения этих плавкок позволили определить их технологические условия: типы используемого сырья, компонент топлива, интервал температурных режимов. В комплексе очага культуры текстильной керамики было найдено 10 металлических каплей (неизбежные потери металла при плавке), фрагмент металлической пластины (металлическое сырье) и фрагментированный керамический тигель. Элементный состав артефактов из цветного металла определен методом SEM/EDS анализа. Металлические капли представляют собой либо бронзу с двумя типами легирующих добавок (Cu+Sn, Cu+Pb+Sn), либо медь. В некоторых бронзовых каплях присутствуют незначительные содержания As и Sb. Фрагмент пластины состоит из Cu со следовой примесью Ag, что характерно для самородной меди. Часть капель представляют собой неоднородные сплавы, в которых одни участки вещества являются бронзой, а другие медью. На поверхности керамического тигля методом SEM/EDS анализа зафиксированы следы Cu и Sn. А в образцах грунта из заполнения очага, в котором происходила плавка металла, XRD анализом определена минеральная фаза гидроксиапатита ($\text{Ca}_{10}(\text{PO}_4)_6(\text{OH})_2$), являющегося продуктом сгорания костей. Субмикроморфологический анализ фраг-

мента жженой кости из культурного слоя бронзового века зафиксировал присутствие в нем Cu .

Таким образом, обработка металла на поселении Песочное I представляла собой переплавку различных бронз и чистой меди, которые в том числе могли смешиваться в ходе одной плавки. Различия в элементном составе капель металла, содержащих бронзу, показывают, что в качестве ее источника использовался лом бронзовых предметов различного происхождения. Находка части медной пластины, не являющейся фрагментом орудия или иного предмета, свидетельствует о том, что медь, месторождения которой отсутствуют в Центральной России, могла поступать на эту территорию в том числе в виде сырья в качестве продукта торгового обмена. Кость, несомненно, являлась компонентом топлива, использованного для плавки металла. Как известно, температура горения кости составляет $\sim 600^{\circ}\text{C}$ – $\sim 800^{\circ}\text{C}$. Однако, формирование пористой оплавленной структуры поверхности керамического тигля было возможно только при его нагреве до интервала температур с минимальными значениями $\sim 1200^{\circ}\text{C}$ – $\sim 1300^{\circ}\text{C}$, которые соответствуют температурам плавления легкоплавких глин. Несовпадение интервалов температур горения кости и нагрева поверхности тигля показывает, что при плавке металла температура в каменной конструкции очага увеличивалась искусственно до уровня, значительно превышавшего температуру плавления бронз, составляющую $\sim 950^{\circ}\text{C}$.

М. В. Добровольская

*Институт археологии РАН
(Москва)*

КОНЦЕПЦИЯ АНТРОПОГЕОЦЕНОЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

Одна из традиционных тем в археологии с XIX века – человек и среда в их взаимодействии. Традиционно же эта тематика развивается в различных форматах междисциплинарных исследований, объединяющих археологов с представителями различных естественных наук. Понятие «среда» крайне разностороннее. В некоторых традициях ведущая роль отводится климато-географическим факторам (Микляев, 1983). Палеоэпидемиологические аспекты исследований человека прошлого рассматривают популяции животных как источник появления новых заболеваний (зоонозов) и, соответственно, мощного фактора, влияющего на численность населения. Примеры можно продолжить. Развитие классического экологического направления в этой широкой тематике связано, прежде всего, с внесением понятия «экосистема» в изучение взаимодействия человека и среды.

Экосистема – единство, включающее организмы определенной территории и взаимодействующее с физической средой. Это взаимодействие создает определенную трофическую структуру и обмен веществами и энергией между биотической и абиотической ее частями. Экосистема существует за счет круговорота вещества и энергии, что обеспечивает ее существование во времени. Неотъемлемое свойство экосистемы – саморегуляция. Антропогенные экосистемы имеют свою специфику. Они, как правило, характеризуются более низким биоразнообразием, зависимостью от пути внесения энергии человеком, короткими пищевыми цепочками и существенно нарушенным круговоротом веществ и энергии. Точнее будет сформулировать, что эти особенности характерны для антропогенных экосистем, созданных обществами с развитой производящей экономикой.

В. П. Алексеев рассматривал антропогеоценоз как систему взаимодействия коллектива и освоенной им территории (Алексеев, 1993. С. 24) и выделял два основных типа антропогеоценозов:

1. «Первый тип характеризуется преобладающей ролью природной среды, которая в значительной степени определяет в них интенсив-

ность хозяйственной деятельности, численность хозяйственных коллективов, направление динамики антропогеоценоза и его устойчивости...».

2. «...сам хозяйственный коллектив и его производственная деятельность изменяют природную среду и определяют ее динамику» (Алексеев, 1993. С. 77).

Вероятно, с точки зрения экологии, второй тип является экосистемой, но не является биоценозом, так как, как правило, привлекает ресурсы с других территорий. В настоящее время в археологических исследованиях создается возможность наблюдать устойчивость или нестабильность антропогенных экосистем, оценивая динамику среды и роль антропогенных факторов.

Таким образом, культурные традиции в целом можно рассматривать как *поддерживающие стабильное существование антропогеоценозов* или *создающие новые структуры, требующие постоянного расширения контактов, торговли, территорий для «компенсации» нарушения равновесных циклических процессов, которые являются неотъемлемой чертой любой экосистемы.*

Существование в рамках культурных традиций первого типа предполагает гораздо более успешные результаты биологической адаптации, в то время как ускорение антропогенного изменения среды приводит популяции к ситуации, провоцирующей постоянный миграционный стресс. В докладе делается попытка обсуждения этих экологических закономерностей на примерах из археологических исследований.

О. В. Дьякова

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)*

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ

Анализ средневековых материалов евразийских памятников позволяет говорить о трехчленной структуре археологических культур, состоящих из культурно-значимых (аборигенных), региональных и эпохальных блоков признаков.

К числу культурно-значимых относятся признаки, отражающие аборигенные традиции, которые могут быть использованы для реконструкции не только культурогенеза, но и этногенеза. В первую очередь, это лепная глиняная посуда, изготовленная самими носителями культуры, являющаяся, своего рода, визитной карточкой, по которой «узнают» последнюю и которая, как правило, четко оконтуривает границы археологической культуры. Достаточно надежными индикаторами также являются женские украшения, например, серьги, специфические хозяйственные орудия (ножи). Региональные (государственные) признаки маркируют, в основном, государства. Такие категории изделий могут базироваться как на местных, так и на инокультурных традициях. Они служат источником для реконструкции политико-экономических и культурных связей, но мало информативны для установления этногенетических процессов. В первую очередь, это вещи ремесленного производства. Их распространение связано с действием производственных центров (мастерских, «школ», «семейств», «печей»), сферы влияния которых редко выходят далее официальных, политических границ государственных объединений.

К эпохальным признакам относятся те элементы культуры, которые распространяются шире определенного географического или политического региона и маркируют не отдельные государства, а эпоху в целом. К таковым относятся тюркские пояса, монгольские наконечники стрел, отдельные типы круговой керамики, определенные орнаментальные композиции и т.п. Они являются хорошим источником для датировки комплексов и культур, позволяют устанавливать ход военных, экономических, религиозных событий и контактов, но для этногенетических реконструкций не годятся.

Г. А. Елошкин

*Новосибирский гос. университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск)*

ТЕОРИЯ ФРОНТИРА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ПЕРУ НА РУБЕЖЕ ЭР

Применительно к американской истории в 1890-х гг. социолог и историк Фредерик Джексон Тернер (1861–1932) сформулировал оригинальную концепцию подвижной границы (фронтира), которая сначала была представлена на докладе в Чикаго во время Всемирной выставки, приуроченной к 400-летию открытия Америки, а позднее – изложена в книге «Фронтир в американской истории» (*The Frontier in American History*). Несмотря на дискуссионность тезисов автора относительно движущих сил истории США, сама идея пограничных сообществ оказалась оригинальной и привлекательной – впервые граница была определена не как линия, а как район с уникальным сочетанием факторов культурного и политического развития местного населения. Особое развитие теория получила в археологических исследованиях и интерпретациях древних социальных процессов на основе археологических материалов.

В южноамериканской археологии теория фронтира была применена для объяснения комплекса социально-политических и культурных изменений при переходе от культуры паракас (*Paracas*) к культуре наска (*Nasca*) на южном побережье Перу в III в. до н.э. – I в. н.э. Изначально сценарий развития наска как пограничного сообщества из культуры паракас была рассмотрена Хенриком ван Гийсегхемом в статье, опубликованной в *Latin American Antiquity* в 2006 г. Несколькими годами ранее, не используя сам термин «фронтир», угасание культуры паракас в виде «разнонаправленной культурной мутации» (*la mutation culturelle multidirectionnelle*) стала изучать французская исследовательница Ваннесса Тантерофф, представив результат в виде диссертации в 2008 г. Позднее, без критики и особой дискуссии теория фронтира перестала рассматриваться на материалах культур паракас и наска, пока не появились новые радиоуглеродные датировки с памятников переходного этапа от паракас к другой культуре – топара (*Torapa*).

Ядром культуры паракас в период IX–II вв. до н.э. являлись долины рек Чинча, Писко и Ика, в то время как к северу и югу сообщества, испытывая культурное влияние паракас, стали развиваться по своему сценарию. В рамках данного доклада предлагается анализ уникальной ситуации к югу от упомянутых рек – в районе формирования наска. С учетом природно-климатического и географического факторов будет сделан акцент на специфических моделях экономических и религиозных взаимодействий пограничного сообщества с соседями на рубеже эр. Сочетание престижного обмена, экономической комплиментарности (эксплуатация ресурсов от побережья до горной местности) и паломничеств обеспечили динамический характер развития общества носителей культуры наска. «Пограничный статус» сделал это общество открытым к новым идеям, получаемым в рамках сложных межтерриториальных социальных сетей, которые поддерживались экономикой и религиозными практиками. На основе теории фронта делается попытка объяснить эти явления при развитии наска.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00003 «История тихоокеанской археологии».

О. А. Емельянчик

*Полоцкий гос. университет
(Новополоцк, Беларусь)*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ АНТРОПОЛОГИИ
В ВЫДЕЛЕНИИ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ГРУПП ЗАХОРОНЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ХРАМА
ПОЛОЦКОГО СПАСО-ЕВФРОСИНИЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ)**

Спасо-Преображенский храм Спасо-Евфросиниевского монастыря в городе Полоцке был построен во второй четверти XII в. и является единственным дошедшим до нашего времени памятником полоцкой школы зодчества. В ходе археологических раскопок 2015–2020 гг., помимо массовых захоронений у стен храма, были выявлены нарушенные и переотложенные погребения в криптах XVII в. и саркофагах XII в. Единственное ненарушенное погребение в саркофаге было обнаружено в 2020 г. в раскопе, заложенном вдоль северной стены храма. Саркофаг содержал фрагментарно сохранившийся скелет молодой женщины с разрушенным посмертно черепом. На основании погребального инвентаря погребение датируется первой половиной XII в.

В ходе антропологического исследования удалось выделить из основной массы захоронений скелетные останки, принадлежавшие иезуитам (погребения из погребальных конструкций в крипте), а также останки женских погребений XII в. В ходе палеодемографического анализа установлено, что выборка, представленная материалами массовых погребений XVIII в. у стен храма, имеет соотношения половозрастного распределения умерших и показатели смертности, характерные для обычных городских кладбищ того времени. В отличие от массовых захоронений, погребения в крипте и саркофаге представлены однородными по полу группами взрослых индивидов, в первом случае – мужчинами, во втором – женщинами. При этом средний возраст смерти мужчин из погребений в крипте на 11,5 года выше, чем у мужчин из массовых захоронений у стен храма, а средний возраст смерти женщин из саркофага на 3,7 года выше, чем у женщин, захороненных у стен храма, что указывает на элитный статус людей, останки которых были обнаружены в погребальных конструкциях.

Установлено своеобразие краниологических показателей женских черепов из переотложенного погребения в саркофаге. По форме мозгового отдела выборка женских черепов из саркофага выявляет сходство со средневековым курганным населением Полоцкой земли, при этом достоверно отличается от него более широким мозговым отделом, более узким лицом и высокими орбитами. Морфологическое своеобразие выборки женских черепов из саркофага позволило высказать предварительную гипотезу о том, что они могут относиться к древнерусскому времени и принадлежать представительницам местного княжеского рода Рогволодовичей-Рюриковичей. Наличие тесной родственной связи по материнской линии между женщинами из нетронутых и переотложенных погребений в саркофагах, установленное в ходе палеогенетического анализа, подтверждает эту гипотезу.

А. В. Епимахов

*Южно-Уральский гос. университет
(Челябинск)*

КЛАССИФИКАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАДИЕНТОВ

Классификационные процедуры являются неотъемлемой частью практически любого исследования, разумеется, археологического тоже. На протяжении длительного периода развития нашей науки упорядочивание фактов в пространстве и времени было основной задачей большинства публикаций наряду с введением в научный оборот новых результатов. Сегодня для большинства территорий и периодов сформированы культурно-хронологические схемы, хотя непрерывно идет процесс их детализации, в том числе с опорой на результаты радиоизотопного датирования. На современном этапе ускоряющееся накопление фактических данных зачастую иллюстрирует недостаточность общепринятых систем, особенно в случаях граничных территорий или переходных эпох, а добавление новых таксонов, как представляется, уже неспособно коренным образом решить проблемы.

Наряду с информационным бумом мультидисциплинарность стала одной из главных, если не главной тенденцией развития современной археологии. Методы многих наук, для которых археология играет разные роли во взаимодействии (от поставки исходных данных до глубокой интеграции в итоговые заключения), подразумевают использование больших массивов данных (в том числе в цифровой форме), что не слишком привычно большинству археологов, ограниченно владеющих соответствующим инструментарием. В результате интерпретация часто оказывается либо «дилетантской вылазкой», либо право на нее делегируется не-археологам. Проблемы в последнем случае могут быть связаны с ориентацией на объяснения, опирающиеся на надежно диагностируемые природные факторы при слабом учете культурно детерминированных поведенческих.

Во многих случаях серийные данные (и естественнонаучные, и археологические) представляют собой градиент значений в рамках некоего интервала. В качестве частного примера можно привести данные соотношения азота и углерода с целью диагностирования основы белковой диеты. Если группы с контрастным хозяйственным укладом (на-

пример, рыболовы и земледельцы) продемонстрируют резко различающиеся показатели, то коллективы с комплексным хозяйством с большой вероятностью окажутся негомогенными даже в рамках одного социума. Строгая классификация с определением границ в этом случае оказывается неадекватной исходному материалу. Иногда статистические процедуры позволяют выявить так называемые «выбросы», но их трактовка зависит как от характера выборки, так и от исследовательской установки. Вторая подразумевает разные варианты объяснения: от поиска объединяющих черт, характеризующих коллективы в целом (с игнорированием единичных отклонений от центральной тенденции), до реконструкции судьбы индивида (с выдвижением версий, объясняющих его «особость»). Очевидно, что и в последнем случае классификационные процедуры не слишком полезны. Наконец, археологические классификации часто становятся основой для группировки естественнонаучных данных. Специалисты этого профиля интуитивно исходят из однозначности в разграничении групп, используемых археологами, что далеко не всегда так в случаях отдельных объектов и даже памятников.

Осознание этой проблемы – первый шаг к поиску нестандартных путей интерпретации и нового инструментария. В результате должны быть определены границы познавательных возможностей применения классификационных процедур, а в ходе группировки исходных данных критерии выделения групп должны представляться в максимальной полноте. Это призвано обеспечить прозрачность исследования не только в части максимально полной презентации исходных данных, но и в части процедуры, что сближает археологическое исследование в этой части с естественнонаучным.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-28-20044 «Система питания населения Южного Зауралья в эпоху бронзы (мультидисциплинарное исследование)»

Н. В. Жилина

Институт археологии РАН (Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕКОРАТИВНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ: ОТ УЗНАВАЕМОСТИ ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ; ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Художественные образы человека, зверя, растения в реалистическом стиле сохраняют их природные пропорции и ритм. В наскальной живописи и мобильном искусстве верхнего палеолита выработан контур зверя, позволяющий его узнать.

Декоративное изображение преобразует природный ритм образа, создает новые кратные соотношения между частями – искусственный ритм. Изображение с искусственным ритмом делится на части, части и объекты объединяются в новом искусственном порядке в одиночном изображении или в орнаментальной композиции.

Декоративное изображение или позволяет узнать природный прототип, или отсылает к сходным природным объектам, но может дойти до полной неузнаваемости объекта (звериный стиль).

Верхнепалеолитические изображения мамонта дают ряд от реалистических, выделяющих хобот, бивни, изгиб спины, ноги – к декоративным, намечающим эти части дугами; к геометричным малоузнаваемым, разделяющим фигуру линиями.

Изображение носорога в наскальной живописи отражает узкую голову, рог, туловище с отвислым животом; обобщенная лепка их едва намечает; декоративное изображение вытягивается в длину, вписываясь в границы полосы.

Реалистические изображения бизона подчеркивают уплотнение на холке, поворот головы имеет разную направленность; декоративное – условно накладывает голову на туловище, теряет изображение холки; вытягивает голову (орнаментальный мотив) по бордюру.

Реалистические изображения лошади показывают гриву, увеличивающую объем головной части; декоративные – геометризируют фигуру; на нашивных бляшках она образована примерно равными дугами и углами. Конструкция копьеметалки дополняется необходимым выступом в виде фигуры лошади.

Реалистические изображения оленя выделяют головы и рога, их положения и развороты; вписывание фигуры в удлинённый предмет

неестественно выворачивает рога вперед, фигура строится совокупностью прямых и дугообразных линий.

Изображение женщины в верхнем палеолите проходит путь от реалистического, в основе которого лежит соблюдение правильных пропорций. Пропорции «венер» передаются реалистично, обобщенно, схематически-геометрично. В эпоху мезолита изображение человека доходит до передачи линиями, антропоморфные мотивы сливаются в орнаменте.

Растительные ветви на жезлах образуют бордюрные композиции, листья и ветви становятся элементами орнамента одинаковой геометрической или криволинейной формы.

Декоративное развитие приводит к неузнаваемости и нецелостности зверя. Образ подчинен не природным законам развития формы, а эстетическим.

Сходные закономерности преобразования изображений дает и более позднее декоративное искусство. Формирование образа лошади из дугообразных элементов известно в луристанских бронзах, средневековых германских звериных стилях, резьбе по дереву из средневекового Новгорода, изделиях народных промыслов.

М. О. Жуковский, У. Ю. Кочкар

Московский гос. университет;

Институт археологии РАН

(Москва)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕПЛОВИЗИОННОЙ СЪЕМКИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Видимый диапазон излучения (380–780 нм), доступный человеку для прямого наблюдения, составляет лишь незначительную часть электромагнитного спектра. Вместе с тем, предметы материального мира, в том числе – отражающие взаимодействие древнего человека и природы, изучаемые археологией, проявляют себя во всем диапазоне возмущений электромагнитного поля. Развитие инструментальных возможностей высокоточной фиксации расширенного спектра излучения почвы, как с поверхности, так и из приповерхностного слоя с помощью высокомобильных компактных устройств, не требующих специальных лабораторных условий, существенно расширило возможности археологии по дистанционному неразрушающему выявлению и изучению археологических памятников и их элементов. При этом исследовательский подход в этой области является преимущественно эмпирическим: практическое, ситуативное использование новых приборов зачастую опережает теоретико-методическое обоснование самой возможности их применения и сути наблюдаемых явлений. Это в полной мере справедливо в отношении съемки в длинноволновом инфракрасном диапазоне – редко используемом, но эффективном приеме дистанционного зондирования археологических памятников. Так, комплексные работы, включавшие анализ данных с космических сенсоров, низковысотную аэрофотосъемку и тепловизионное сканирование поверхности, проведенные в окрестностях г. Карачаевска (Карачаево-Черкесская Республика), привели к открытию крупного археологического комплекса Ачи-суу, объединяющего на площади чуть более 100 га обширное поселение, могильник, фортификационные сооружения и сельскохозяйственные террасы. Памятник характеризуется хорошей сохранностью фундаментов архитектурных сооружений, полностью укрытых под плотно задернованной поверхностью. Данные дистанционного зондирования погребенных каменных сооружений,

полученные в разных диапазонах электромагнитного спектра (видимом и тепловом), позволили выявить и проанализировать планиграфическую структуру археологического комплекса и попутно решить сразу несколько задач:

- 1) обосновать критерии «видимости» археологических объектов на тепловизионной съемке;
- 2) оценить точность, полноту и детализацию аномалий, выявляемых на разных длинах излучения;
- 3) разработать методико-практические рекомендации применения тепловизора для съемки памятников археологии.

И. В. Журбин

*Удмуртский ФИЦ УрО РАН
(Ижевск)*

ОЦЕНКА МОЩНОСТИ И СТРУКТУРЫ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПО ДАННЫМ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ (КУШМАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ УЧКАКАР, IX–XIII ВВ.)

Междисциплинарные исследования археологических памятников объединяют методы, отличающиеся по физической природе, детальности и территориальному охвату – раскопки, дистанционное зондирование, геофизика, почвоведение и пр. Сопоставление комплекса разноплановых данных позволяет с высокой степенью достоверности выявить объекты планировки, определить параметры слоя и границы памятника. Актуальным вопросом остается оценка информационного потенциала естественнонаучных методов, которые могут быть привлечены для изучения памятников определенного типа в ландшафтных условиях конкретного региона.

Междисциплинарные исследования Кушманского городища Учкакар IX–XIII вв. (Республика Удмуртия) продемонстрировали особенности применения дистанционного зондирования для оценки границы поселения, структуры и мощности культурного слоя. Территория городища долгое время распаивалась, поэтому рельефные признаки практически не фиксируются. Съемка в видимом диапазоне, выполненная с беспилотного летательного аппарата, позволила получить только обобщающую информацию: построить ортофотоплан территории обследования и цифровую модель рельефа.

Сохранившиеся заглубленные части сооружений и изменения мощности культурного слоя могут быть выявлены по растительным признакам. На городище Учкакар интерпретация материалов многозональной съемки, выполненной в период ранней вегетации растительности, позволила оценить вариации мощности культурного слоя на всех структурных частях поселения и на участке хозяйственной периферии за пределами оборонительных сооружений.

Достоверное выявление почвенных признаков вызывает сложности, так как распашка сглаживает не только рельефные признаки археологических объектов, но и «выравнивает» структуру приповерхностного горизонта культурного слоя. Поэтому традиционный подход,

основанный на оценке изменения цвета и текстуры открытого грунта, ограничен. Альтернативой является тепловизионная съемка, которая фиксирует распределение излучаемой температуры поверхности. В мировой практике археологических исследований этот вид дистанционного зондирования пока не получил широкого распространения. Тепловизионное обследование Уччакара показало, что оценка структуры культурного слоя возможна благодаря различиям гранулометрического состава и морфологических свойств почвенных материалов культурных напластований на различных участках городища. В дополнение к многозональной съемке, контрастно проявляются сглаженные основания оборонительных сооружений (подтверждены раскопками и геофизикой) и особенности распространения переотложенного культурного слоя на участке хозяйственной периферии.

Данные дистанционного зондирования фиксируют лишь косвенные признаки культурного слоя. Поэтому, определение археологического контекста и мощности сохранившихся напластований Уччакара основаны на материалах раскопок, геофизики и почвенных исследований. Сравнительный анализ этих данных обеспечивается координатной привязкой участков междисциплинарных исследований на цифровой модели рельефа.

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова

*Институт археологии РАН
(Москва)*

РОЛЬ АРХЕОМЕТАЛЛОГРАФИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РЕМЕСЛА

Основным методом в изучении технологии изготовления древних металлических артефактов является метод археологической металлографии (археометаллографии). Этот метод заимствован из металлостроения и адаптирован к археологическому материалу Борисом Александровичем Колчиным. Первым этапом археометаллографического исследования является выделение основных технологических схем, основные типы которых были предложены Б. А. Колчиным, Р. Тайлекотом и Б. Гилмором. В последние годы совершенствование археометаллографического метода было продолжено учениками Б. А. Колчина в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. В результате был разработан алгоритм исследования древних металлических изделий, предложены дефиниции продуктов черной металлургии. Обобщение результатов проведенных аналитических исследований позволяет перейти на следующий уровень исследования – построению историко-технологических концепций с выходом на социально-экономические проблемы. Внедрение в археологию методов металлографического исследования дает возможность решать не только вопросы, связанные с историей техники, но и чисто исторические задачи. При этом речь должна идти не о единичных анализах, а о широких аналитических исследованиях больших серий предметов в пределах конкретной историко-культурной общности, что предоставляет возможность говорить, в частности, о традициях и инновациях в производстве древних народов. В последние годы в археологическую науку все шире внедряются неразрушающие методы, прежде всего такие, как рентгенография, рентгенофлуоресценция (РФА) и сканирующая электронная микроскопия (СЭМ), позволяющие установить химический состав объекта. В свою очередь химический состав дает возможность выделять характерные особенности, объединяющие проанализированные изделия, или обнаруживать артефакты, выпадающие из основной группы. В современных исследованиях все чаще проводится комплексное изучение древних металлических арте-

фактов с применением всех доступных как неразрушающих, так и разрушающих методов. Это позволяет получать качественно новую информацию об особенностях древних металлургических и кузнечных процессов, выделять регионы происхождения артефактов из черного металла. Разработанный Б. А. Колчиным и Р. Тайлекотом метод археометаллографии доказал свою значимость в изучении истории черной металлургии и кузнечного ремесла. Он стал составляющей частью комплексных археологических исследований, расширяя возможности исторических реконструкций и теоретических построений. В настоящее время этот метод продолжает развиваться и дополняться аналитическими материалами, полученными в связи с внедрением рентгенофлуоресценции и электронной микроскопии. Результаты комплексных археометаллографических исследований являются важным фактором в решение вопросов, которые ставят современные археологические открытия.

О. Ю. Зими́на

*Институт проблем освоения Севера
Тюменского научного центра СО РАН
(Тюмень)*

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЛОКАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Активное обсуждение понятия «археологическая культура» произошло в 60-70-х гг. XX в. (Каменецкий, 1970; Захарук 1970; Клейн, 1970; Клейн и др., 1970; и др.). В дальнейшем разработка терминологического аппарата не прекращалась. Предлагались и уточнялись понятия – «археологическая культура», «локальный вариант», «тип», «предмет и объект» археологии, проводилась систематизация методов археологического исследования, уточнялись основы типологии, проводился анализ теоретических разработок в отечественной и зарубежной археологической науке (Аникович, 1989, 2014 и др.; Клейн, 1991 и др.; Генинг, 1973; 1983; 1989; Массон, 1996; Мартынов, Шер, 1989; Щапова, 2005; Крадин, 2009 и др.), обосновывались подходы к археологическим исследованиям – историко-культурный (Бобринский, 1978, 1999), структурный (Аникович, 2014), структурно-семиотический (Калинина, 2009), мир-системный (Крадин, 2024), синергетический (Илюшина, 2011) и др.

Необходимость обращения к основным археологическим определениям возникла в связи с серией статей, представляющих реви́зию концепции иткульской культуры раннего железного века Зауралья (Борзунов, 2014; 2019; 2025). Иткульская культура с двумя типами керамики и функционировавший на ее базе зауральский (иткульский) очаг металлургии VII – III (II) вв. до н.э. охарактеризованы Г. В. Бельтиковой (1977; 2005) на основе выделенных ранее иткульской культуры (Сальников, 1961), керамический комплекс которой составил керамику I типа, и исетской культуры (Берс, 1963) – керамика II типа иткульской культуры. В последующем, в бассейне р. Тобол, к востоку от основного уральского ареала, на основании единства керамических комплексов (керамика II типа) горно-уральских и раннего этапа притобольских поселений был выделен восточный локальный вариант иткульской культуры и обоснована его динамика (Зими́на, Зах., 2009).

Пересмотр концепции иткульской культуры начался с возврата к исходным дефинициям – разделения иткульской культуры на иткульскую и исетскую культуры, а притобольские комплексы восточного варианта выделены в самостоятельную юртоборскую культуру (Борзунов, 2025. Рис. 1). Обоснованность данных выделений пока недостаточная, поскольку в горно-лесном Зауралье отсутствуют стратифицированные археологические памятники – «культурные слои 10–50 см содержат в перемешанном состоянии разновременные артефакты», а «юртоборская» культура переименована механически, без типолого-хронологического обоснования и подтверждения фактов миграции «...из бассейна Конды, Сургутского Приобья и Тоболо-Иртышья» в Нижнее Притоболье (Борзунов, 2025. С. 14).

Данный частный случай затрагивает целый спектр теоретических понятий – археологическая культура и ее границы, локальный вариант археологической культуры, тип, традиции (культурная, керамического производства, орнаментальная), а также миграции и адаптация населения, их онтологические характеристики и гносеологические возможности.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

И. В. Исланова

Институт археологии РАН (Москва)

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ТЕМАТИКЕ ТВЕРСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЕМИНАРОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ 1993–2023 ГГ.

Научно-методические семинары и конференции «Тверская земля и сопредельные территории в древности», организованные в начале 90-х годов прошлого века, постепенно из региональных стали всероссийскими мероприятиями, проходившими ежегодно и собиравшими исследователей, изучавших древности от палеолита до раннего Средневековья. Определенный интерес представляет анализ прочитанных на ежегодных мероприятиях докладов и сообщений по древностям раннего железного века и раннего Средневековья центрального и западного участков лесной зоны Восточно-Европейской равнины.

Проследить эволюцию на протяжении тридцатилетнего существования тематики, которая не являлась основной, на Тверских форумах, позволяют графики, отражающие число прочитанных докладов по рассматриваемым темам и их количество относительно общего массива презентаций.

Анализируемая тематика занимала преимущественно 13–19 % от общего числа ежегодно обсужденных докладов. Исключением является конференция в 1999 г. (23 %), когда действовала отдельная секция по раннему железному веку и раннему Средневековью, а также были и приглашенные участники, впервые посетившие мероприятие и город Тверь. С 2010 г. доля рассматриваемой тематики падает (менее 10 %), что связано не только с уменьшением числа докладов по анализируемым древностям, но и с резким увеличением на семинарах числа исследователей по каменному веку и эпохе раннего металла, в том числе, после существенного расширения географических рамок заседаний (лесостепные регионы, Беларусь, Прибалтика, Урал, Западная Сибирь). На общие изменения также повлияло и возникновение новых научных семинаров и конференций, где обсуждалась та же тематика для тех же территорий («Археология Подмосковья» с 2003 г. в г. Москва в ИА РАН, «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» с 2006 г. в г. Тула и на Куликовом поле).

Определенные пики на графиках обозначают серию одновременных презентаций групп исследователей по результатам работ на крупных объектах археологического наследия (например, в 2001 г. – на городище Настасьино). Существенно большее число докладов по изучению иных территорий звучало преимущественно на конференциях, а сообщения о «местных» (находящихся в пределах современной Тверской области) древностях постоянно присутствовали в небольшом количестве.

Рельефно представленная в гистограммах информация по обсужденным докладам не только отражает историю «развития» Тверских семинаров и конференций в конце XX – начале XXI в., но и фиксирует общие тенденции введения в научный оборот материалов по древностям центрального и частично западного участка лесной зоны Русской равнины.

А. В. Княшко

Южный федеральный университет

(Ростов-на-Дону);

Институт истории материальной культуры РАН

(Санкт-Петербург)

О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Археологические культуры бронзового века степной зоны Юго-Восточной Европы представлены в основном курганными погребениями. Речь идет прежде всего о культурах ямного и катакомбного круга. В результате многие аспекты их развития (например, формы жизнеобеспечения) отражены в источниках весьма косвенно и не подлежат, на данном этапе исследований, детальной реконструкции.

В ходе длительного изучения курганных погребений культур бронзового века на их основе были созданы многочисленные схемы культурно-исторического развития различных регионов. При этом использовались методы типологии, корреляции, вариационной статистики, картографии и т.д. Для хронологической организации данных был усовершенствован анализ курганной стратиграфии, а на рубеже веков – широко внедрены калиброванные радиоуглеродные датировки погребений. Однако, таксономический статус большинства группировок материала остался не определенным. Достаточно вспомнить дискуссии о характере образований катакомбного круга: вариант – культурная группа – культура?

Такой результат закономерен: при попытках исторической интерпретации погребальных источников не учитывается их специфика. Многие исследователи справедливо отмечают системность, консервативность, сакральность обряда, но используют его признаки, как правило, только для культурного и хронологического разделения древностей. Потенциал погребального обряда как устойчивой системы, происхождения и любые изменения которой коренятся в религиозной сфере, практически не используется.

Способом решения проблемы может стать применение к данным погребального обряда структурно-семантического метода, который предполагает поиск приоритетных признаков и взаимосвязей (структур) для дальнейшей разработки уже не просто формально-логических,

но и семантически значимых классификаций. Последнее особенно важно ввиду того, что формальные признаки обряда и функции предметов инвентаря зачастую обусловлены их семантикой.

Погребальный обряд концептуален по своей природе, чрезвычайно устойчив во времени и имеет, нередко, в своих общих чертах, надкультурный характер (например, катакомбный обряд для ряда культур периода средней бронзы). Искать его смысл, значение тех или иных признаков, возможно лишь в достаточно широких пространственно-временных рамках, с помощью ретроспективного метода и дедукции.

В соответствии с концепцией А. ван Геннепа (1912), считаем погребальный обряд одним из «ритуалов перехода» души человека из одного состояния в другое, системой действий, направленных на обеспечение этого перехода. Катакомбный обряд периода средней бронзы, изначально возникший в Приазовье, трактуем как склеповый, близкий по реинкарнационной семантике к дольменному. Несколько позже, в бассейне реки Маныч сформировался катакомбный обряд с «повозочной» семантикой. В этом отношении он представляет собой гибрид новотитаровской культуры степного Прикубанья и раннекатакомбной культуры Приазовья.

Еще одним итогом применения структурно-семантического метода стало выявление четырех взаимосвязанных локальных традиций погребального обряда, бытовавших на протяжении позднего – катакомбного времени: доно-донецкой, доно-волжской, волго-уральской и волго-манычской. В основе такого обрядового структурирования, по всей вероятности, лежит дуальная организация первобытных народов, исследованная А. М. Золотаревым (1964).

В. Б. Ковалевская

*Институт археологии РАН
(Москва)*

МЕХАНИЗМ СМЕНЫ И РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

К последней четверти прошлого века обострился интерес археологов к «проклятому вопросу археологии» (по Л. С. Клейну). И. С. Каменецкий писал: «Остается главный для археологов вопрос – объяснение перерывов в развитии культуры и механизма смены культур» (Каменецкий, 1999. С. 75). Действительно, отсутствовали монографические исследования, когда на конкретном материале рассматривалась бы модель происхождения новой культуры, с оценкой как ее состояния, так и механизма изменения при автохтонном ли ее развитии или при ее резкой смене, благодаря трансмиссии новых культурных черт соседствующих культур, либо миграции на эту территорию соседнего или дальнего населения. Процесс появления новых работ на эту тему начался с 1975 г. (Клейн, 1975), в 1981 г. автор предложил путь решения этой проблемы в рамках теории коммуникации, связанной с передачей традиций и опыта в рамках археологической культуры на протяжении времени. Л. С. Клейн видел свою вину в том, что его «теория «не пошла в массы» и сожалел, что «не сумел представить свои идеи в виде книги... Их почти никто не заметил. Работа осталась неустребованной» (Клейн, 2011. С. 467). Л. С. Клейн действительно предложил очень эффективную и простую, хотя и трудоемкую и не очень привычную, процедуру ответа на «проклятый вопрос» археологии – вопрос о смене культур, о причинах видимых в материале изменений во времени, т.е. при передаче культурной информации от поколения к поколению» (Клейн, 2011. С. 466). Как он отмечал, опыта работ с секвенциями в отечественной археологии было очень мало. Они не прижились. Поэтому перехожу к своей работе над этой же темой, которая была закончена в 1990 г. в отделе теории и методики ИА АН СССР и издана в 1995 г. Я рассматривала АК как сложную систему, процедуру обработки материала, и видела ее в более присущей отечественной археологии работе в признаковом пространстве, а именно в анализе соотношения культурных традиций и инноваций. Мы можем использовать спе-

циальные методы, связанные с культурологией и изучением передачи информации (на что опирается Л. С. Клейн в своем определении АК). Археологическая культура является сложной системой, причем сама «сложность» в последнее время становится предметом специального рассмотрения (Пригожин, 1987. С. 45–57), создается формализованный аппарат ее оценки. Это же касается специфических форм ее необратимого скачкообразного развития.

В археологической культуре высокий процент культурных традиций («память» системы) вызывает ее устойчивость. Неустойчивость системы, обладающей высоким процентом инноваций (мутаций) – это фактор ее дальнейшего развития, залог способности к адаптации к меняющимся условиям. Важно количественно оценить по всему набору признаков, по соотношению культурных традиций и инноваций, что может быть использовано для построения культурно-исторической периодизации. Скачкообразные переходы (точки бифуркации) – это смена культур. Вслед за плавной эволюцией происходит разрыв постепенно-сти, взрыв.

Рассматриваемые вопросы будут затронуты в докладе на примере сложения аланской археологической культуры Северного Кавказа.

Ю. Г. Кокорина

*Московский политехнический университет
(Москва)*

СИТУАЦИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ПУТИ ЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ

На сложную ситуацию с археологической терминологией обращал внимание еще В. А. Городцов, а этапной в плане анализа языка археологии является статья Я. А. Шера. Материалом для данной работы является терминология вещеведения, то есть обозначения древних вещей и их частей. В качестве методологической основы послужили разработанные российской школой терминоведения требования к термину. Для современной археологической терминологии свойственна неоднозначность, в результате которой предметы, относящиеся к одной и той же археологической категории, исследователи, изучающие различные территории и хронологические периоды, могут называть по-разному. Так, один и тот же предмет вооружения называется кельцом и чеканом, один и тот же сосуд – кружкой и чашкой, одно и то же украшение – торквесом и гривной. Она характеризуется высокой метафоричностью, образностью, соединением в терминах названий разных подсистем. Последнее выражается в соединении в одном термине формы и метрики, ориентации и формы, числа конструктивных элементов и формы. Таких, как употребляемые при характеристике конструкции средневековых удил термины соединеннокольчатые (звенья соединены друг с другом с помощью замкнутых колец), перпендикулярнокольчатые (кольца на концах звеньев расположены во взаимно перпендикулярных плоскостях), соединеннокрючковые (звено соединено одно с другим с помощью загнутых крючкообразно концов) и другие. Перечисленные свойства приводят к сложности формализации археологической терминологии и ее перевода на иностранные языки. Конвенциональный характер терминологии заставляет предложить научному сообществу для формирования терминосистемы археологического вещеведения использование системного подхода. Это предусматривает обозначение каждой подсистемы вещи своим набором терминов, а также заимствованием из других наук – геометрии, биологии, семиотики – не только отдельных терминов, но целых их систем, что обусловлено стремлением заимствовать из других наук про-

веренные и установившиеся знания. Рассматривая вещь как систему, мы можем выделить отдельно такие подсистемы как метрика, число конструктивных элементов, технология и др. Тогда основы, описывающие метрику (широко-, узко-, тонко- и т.п.), число конструктивных элементов (одно-, двух-, много- и т.п.) или технологию (ложновитые) можно заменить другими терминами в соответствующих системах описания числа конструктивных элементов, метрики или технологии, и последние уйдут из наименований формы вещей. Это приведет к созданию более организованной и экономной терминологии, более приемлемой для формализации и понимания специалистами других областей археологии.

А. Г. Колонских

*Институт этнологических исследований Уфимского ФИЦ РАН
(Уфа)*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МИКРОРАЙОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ БАХМУТИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

В ходе электронного картографирования и ГИС-моделирования, в рамках границ ареала бахмутинской культуры выделяется пятнадцать локальных участков концентрации памятников (микрорайонов). Объекты внутри этих микрорайонов имеют близкое взаиморасположение, а их потенциальные экономические (пятикилометровые) зоны пересекаются либо примыкают друг к другу. Все микрорайоны также имеют выраженную приуроченность к существующему ландшафту – ограничены меандром реки, стрелками и водоразделами, либо привязаны к долине водотока. Расположение объектов в границах взаимовидимых территорий является одним из наиболее важных факторов объективности выделяемых микрорайонов.

Полученные данные позволяют считать вполне вероятной системе расселения бахмутинской культуры с учетом выделенных микрорайонов. Серьезной проблемой этой модели является отсутствие достаточной верификации на основе специфики археологического материала. Керамика, являясь основным и наиболее массовым источником, локальных черт не имеет и аналогична по всему ареалу культуры.

Дальнейшей процедурой исследования стала попытка систематизации выделенных микрорегионов. В ходе наблюдения среди них выявилась определенная специфика. Часть микрорайонов (тип 1) представлена классической схемой расселения, в которой встречены различные типы объектов: городища, селища, могильник. Таких микрорайонов выделено шесть (Нижнебельский, Бирский, Бахмутинский, Югамашевский, Кудашевский, Уфимский). Другая часть (тип 2) представлена сочетанием укрепленных и неукрепленных поселения – шесть скоплений памятников в районе с. Верхние Татышлы, д. Казакларово, а также городищ Сорвихинского, Ур, Юмакаевского, Камеевского. Наиболее примечательными выступают микрорайоны (тип 3), представленные большой концентрацией на ограниченной территории не-

укрепленных поселений, не имеющих вблизи известных могильников и городищ. Это поселения у поселка Яблочный, в районе деревень Саит-Курзя–Каинлыково–Челкаково (17 селищ!) и у д. Аксаитово.

Для условно выделенного типа 2, можно предположить отсутствие могильника лишь в виду слабой изученности региона. Бахмутинскому населению характерны грунтовые некрополи, выявление которых всегда случайность.

Совсем иначе обстоит дело с типом 3. В ходе обследования этих микрорайонов укрепленные поселения не выявлены, а ввиду характерных форм рельефа и ландшафта, вероятнее всего, и не будут выявлены. Вследствие чего возникает вопрос, который вынуждает пересмотреть наши представления о специфике освоения пространств, либо о некой специфической форме фортификаций (укреплений, способах обороны).

В. П. Колосов, А. А. Гиблова, А. А. Покидышева

*Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербургский гос. университет (Санкт-Петербург)*

АНАЛИЗ МОРФОЛОГИИ ФАСОССКИХ АМФОР СТАТИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

Работа посвящена морфологическому анализу тарных амфор производства Фасоса, обнаруженных на античных памятниках Северного Причерноморья. Данная категория сосудов датируется VI–III вв. до н.э. и в процентном отношении занимает одно из первых мест в составе керамических комплексов.

Впервые амфоры этого центра были выделены В. Грэйс, затем изучались И. Б. Зеест, над их типологией работали И. Б. Брашинский и А. П. Абрамов. В обобщающем труде по типологии амфор Северного Причерноморья С. Ю. Монахова представлена схема, в которой сосуды разделены на три типа: I (пифоидный), II (коническо-биконический) и III (веретенообразный). Тем не менее, на практике определение типов и времени производства неклеяемых амфор осложняется высокой вариативностью форм и отсутствием надежных хронологических маркеров.

Целью работы являлась оценка сходства и различия сосудов на основе морфологических характеристик. В задачи работы входило определение основных направлений вариативности, дифференциация сосудов на основе этой вариативности и сопоставление полученной картины с общепризнанной типологической схемой.

Материалами для анализа послужили опубликованные данные амфорных коллекций ряда российских музеев. Работа велась с профильными изображениями сосудов. Общее число амфор в выборке составило 159 шт. Методической основой анализа являлись статистические методы. Различия в криволинейных формах сосудов оценивались с применением методов геометрической морфометрии и анализа главных компонент.

В результате анализа удалось выделить наиболее значимые морфологические признаки и на их основе уточнить современную типологическую схему. Полученная дифференциация дала возможность разработать алгоритм датирования сосудов на основе ряда линейных размеров. Кроме того, данное исследование служит примером применения методов геометрической морфометрии при хронологической атрибуции массового керамического материала.

Е. М. Колпаков

*Институт истории материальной культуры РАН
(Санкт-Петербург)*

ЗАБЫТЫЕ ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ АРХЕОЛОГИИ

Бурные дискуссии в советской археологии о предмете и объекте археологии в 1970–1980 гг. тихо прекратились к концу 80-х, как бы ничем не завершившись. Речь идет не о том, что партия и правительство или академия не утвердили какую-либо точку зрения, а о том, что ни одна из них не получила перевеса или «массового» признания среди археологов. Впрочем, то же самое относится и к дискуссиям об археологической культуре и о многом другом. При этом, если судить по публикациям, формально победила точка зрения Л.С. Клейна, поскольку только он писал на эту тему в 2000–2010 гг., и никто ему уже не возражал.

По Л. С. Клейну «категориальный состав предмета археологии можно определить так: 1) сами материальные древности как остатки исчезнувшей материальной культуры прошлого, 2) их связи и отношения в системе культуры (между собой, с другими элементами культуры, с конкретными звеньями культурно-исторического процесса), 3) закономерности и причинно-следственные механизмы, лежащие в основе всех этих связей и отношений... Так называемые исторические реконструкции явлений (автохтонности, миграций, влияний, трансформаций и т. п.) – дело археолога, а не историка. А вот объяснение причин этих событий и выявление законов, по которым они происходили, в основном не дело археолога» (Клейн, 2004. С. 76). Л. С. Клейн считает, что целесообразно провести размежевание наук археологии и преистории.

Вообще говоря, англо-американская процессуальная археология «в качестве антропологии» (Binford, 1962) – это в теории и есть археология и преистория «в одном флаконе».

Как можно оценить с точки зрения проблематики объекта и предмета науки реальную археологию за прошедшее сорокалетие? В «Положении о порядке проведения археологических...» победила крайняя точка зрения о том, что археология – это часть истории (для получения Открытого листа достаточно любого исторического образования). Практика показала, что это не так, и в последнюю версию включены паллиативные дополнения для заявок на Открытый лист (об-

учение должно включать предмет «археология», опыт участия в археологических полевых работах, аспирантура). Наши университетские программы по археологии были сильно сокращены, но в последние годы, кажется, стали так или иначе восстанавливаться.

При взгляде на самую археологическую науку складывается впечатление, что старая идея теоретиков о целесообразности разделения археологии на первобытную историю и археологическое источниковедение начала стихийно реализовываться снизу. Появился ряд фундаментальных работ археологов, базирующихся на археологических материалах, но которые, скорее, можно отнести к преистории (например, монографии М. Б. Щукина, И. И. Еремеева) (Колпаков, 2024. С. 21). Эти же работы показывают, что археология и преистория не разделяются так, как это предлагал Л. С. Клейн.

Если дискуссии о предмете и объекте археологии не завершились или, наоборот, завершились ничем, то был ли в них вообще какой-то смысл? По моему мнению, в результате этих дискуссий стало значительно меньше поверхностных примитивных интерпретаций и даже в поле археологи стали работать головой «тщательнее».

С. А. Комиссаров, М. А. Кудинова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск)*

О КАТЕГОРИИ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В КИТАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Категория «цивилизация» относится к той группе базовых понятий обществоведения, для которых непросто (если вообще возможно) дать точное определение, а их интерпретация заметно различается у разных авторов. Изначально это понятие связывалось с развитием гражданского общества (А. Фергюсон), с представлениями о естественных правах человека (у французских энциклопедистов) и т.д. Важную роль в развитии марксистского подхода к проблеме сыграла работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а для позитивистского подхода в целом – идеи В. Г. Чайльда, который впервые перевел понятие «цивилизации» из сферы философии на уровень конкретной методологии археологического (и, шире, исторического) исследования, придав ему инструментальность.

Особую историю категория «цивилизация» обрела в Китае. Впервые сочетание иероглифов 文明 встречается в комментариях к канону «И цзин» и означает не только «яркий, блестящий», но и «украшенный». Далее в произведениях древних и средневековых авторов развивалось использование этого сочетания как с упором на первый иероглиф (письменный, образованный, культурный), так и на второй (прелестный, гармоничный). По мнению И. Ф. Поповой (2020), для оценки уровня развития общества этот термин в Китае впервые применил цинский писатель Ли Юй (1611–1680). Окончательно термин натурализовался в китайском языке благодаря знакомству с японскими переводами европейской литературы во второй половине XIX в., когда для передачи новых терминов приходилось придавать новый смысл классическим терминам. Термин «буммэй» в его западном понимании впервые использовал Нагаминэ Хидэки в переводе книги Ф. Гизо «История цивилизации в Европе». Также большое влияние на японских и китайских интеллектуалов оказал перевод трудов Г. Спенсера, который сместил акценты в использовании термина «цивилизация» из области этики и права в социологию. Тем более, что в тот же период в Китае пропагандировал учение Спенсера переводчик-просветитель Янь Фу.

В археологию Китая концепт «цивилизация» активно внедряется во второй половине XX в. В дискуссиях о его применимости принимали участие ведущие ученые: Су Бинци, Янь Вэньмин, Ли Боцянь, Чжан Чжунпэй и др. Особо следует выделить концепцию Ся Ная о том, что квинтэссенцией цивилизации служит образование государства, а не создание письменности. Такой подход позволил включить в список «цивилизованных» народов создателей культур Хуншань в Дунбэе, Учэн на Востоке, Дянь на Юго-Западе страны. Вместе они способствовали утверждению о том, что китайская цивилизация в целом имела множественные истоки и множественные составляющие. Дискуссия продолжается в XXI в., о чем свидетельствует 1-й том «Истории китайской цивилизации» (2006) и сборник обобщающих статей, опубликованный под редакцией акад. Чэнь Синцзя (2021).

Исследование проведено по проекту НИР FWZG 2025-0002.

Д. С. Коробов

*Институт археологии РАН
(Москва)*

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В последние годы отчетливо наблюдается спад интереса к проблемам теоретической археологии, как в нашей стране, так и за рубежом. При этом в Великобритании и США по-прежнему появляются яркие теории, как правило, заимствованные из других наук, которые претендуют на место центральных, призванных стать новой парадигмой после устоявшейся в историографии триады культурно-исторической – процессуальной – постпроцессуальной археологии. В настоящее время наиболее востребованными стали теории неodarвинизма и «новой материальности», которые однако не получили широкого распространения среди археологического сообщества. Напротив, падение интереса к теоретическим исследованиям привело к представлению о «смерти археологической теории», что отразилось в серии недавно вышедших статей и сборников.

С другой стороны, резкий рост интереса к использованию компьютерных технологий и естественнонаучных методов в археологических исследованиях позволил К. Кристиансену выступить с характеристикой текущего момента в мировой археологии как «третьей научной революции». Несмотря на критику данного утверждения, оно на взгляд автора доклада имеет полное право на существование, поскольку отражает наилучшим образом период современного развития археологической науки.

Эти тенденции, характерные для европейской и американской археологии, могут быть вполне прослежены в отечественной науке. Тематический анализ публикаций в трех ведущих журналах – «Российской археологии», «Археологических вестях» и «Археологии, этнографии и антропологии Евразии» за 1990-2023 гг. выявил бесспорное преобладание культурно-исторической тематики при неуклонном росте статей, написанных в мультидисциплинарном ключе, и практически полном исчезновении теоретических работ.

Проведенный анализ показал, что российская археология демонстрирует те же основные тенденции, которые характерны для ев-

ропейской археологической науки, в особенности для археологии Центральной и Восточной Европы – основные усилия археологов сконцентрированы на практических исследованиях, все больше внимания направлено на внедрение естественнонаучных методов в археологическую практику, теоретические же проблемы, связанные с поиском эпистемологических основ нашей науки не стоят в настоящий момент в приоритете. Скорее всего, можно будет также констатировать некоторую «всеядность» российских ученых в использовании разных объяснительных моделей для поиска ответов на насущные вопросы, которые ставит археологический материал, но для этого потребуются более глубокий анализ археологической литературы, чем приведенный в данном докладе.

На нынешнем этапе следует отметить низкий интерес наших археологов к вопросам теоретической археологии. Очевидно, что в настоящее время идет колоссальное накопление археологических источников, и все усилия нашего относительно небольшого для такой огромной страны археологического сообщества направлены на обработку этих огромных массивов данных, их анализ и встраивание в существующие представления о культурно-историческом процессе. Видимо, время теоретического осмысления этих накоплений еще не настало, но непременно настанет в будущем. Залогом тому является основательная база археологической теории, подготовленная предшествующим поколением отечественных археологов.

Исследование выполнено в рамках темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (НИОКТР № 122011200264-9).

Н. Н. Крадин

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)*

АРХЕОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В докладе рассматривается популярный в последние годы тезис о возможности применения термина «глобализация» к доиндустриальным обществам. С легкой руки Дж. Дженнингса данный тезис стал весьма популярен. Показана многозначность интерпретаций данного термина, обсуждаются степень применимости таких элементов, как сжатие пространства, детерриториальность, стандартизация изготовления артефактов, культурная разнородность и др. Сформулирован важный принцип применения данных идей в археологии – функционирование данных механизмов только на основе долговременных процессов (*longue durée*), что подтверждается на таких феноменах, как, например, так называемый сейминско-турбинский феномен, распространение колесниц, всадничества, конской сбруи и вооружения.

Особое внимание уделено роли кочевников в формировании и распространении сетей глобальных мир-системных коммуникаций. Данные процессы рассматриваются на примере древних и средневековых номадов – хунну, киданей и монголов. Хуннская эпоха дает нам примеры беспрецедентного распространения престижных товаров, в первую очередь, поясов с оригинальными бляхами в хуннском зверином стиле, ханьских зеркал и их реплик, ряда других категорий артефактов.

Изучение открытых в последние десятилетия захоронений киданьской элиты показывает обширные контакты с такими далекими регионами, как Сирия, Египет, Иран, Индия, даже Суматра. Среди погребального инвентаря попадают артефакты, от янтаря из «славянского моря» до моржовой кости из Арктики. Все это дополняет давнюю идею К. Кристиансена, согласно которому высокий статус индивида хорошо коррелирует с повышенной мобильностью. С неменьшим основанием можно констатировать, что статус захороненного подтверждается обширным погребальным инвентарем, полученным вследствие обменов на дальние расстояния.

Монгольские завоевания способствовали началу масштабных миграционных процессов, новых культурных контактов, зарождению но-

вых вкусов и моды, формированию космополитизма. Элементы китайской живописи и декоративного искусства вошли в среднеазиатское искусство так же, как среднеазиатская парча попала на Дальний Восток. В Китае в юаньское время элита стала активным потребителем пищи из баранины, а рис был оттеснен на второй план. Все это хорошо фиксируется в разнообразных категориях нарративных источников, иконографии, живописи, археологических данных.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 25-18-00261.

М. А. Лебедев

Институт востоковедения РАН (Москва)

МЕСТО АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ЕГИПТОЛОГИИ (К ДИСКУССИИ О РОЛИ И ВОЗМОЖНОСТЯХ АРХЕОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ ПИСЬМЕННЫХ ОБЩЕСТВ)

Современная египтология родилась в начале XIX в. как наука, занимающаяся, прежде всего, изучением памятников материальной культуры. Но вскоре, в 1822 г., появилось филологическое измерение египтологии, которое быстро завоевало доминирующие позиции. С тех пор, если выражаться словами Стивена Керка, египтология занимает необычное положение в академическом ландшафте где-то между археологией и историей. Это наблюдение справедливо для многих национальных школ, но не для отечественной египтологии, где археология только становится самостоятельным полюсом притяжения интересов и идей.

До середины 1990-х гг. ни в Египте, ни в Судане не было постоянных отечественных археологических экспедиций. В связи с этим данные археологии были фактически исключены из источниковой базы советских египтологов. Не очень интересовало их в таких условиях и развитие теоретической мысли в археологии. Со второй половины 1990-х гг., в связи с появлением постоянных отечественных экспедиций в Египте и Судане, ситуация изменилась. Впервые в истории российской египтологии для нее стали актуальны теоретические дискуссии о природе и свойствах археологического источника, а также о месте и роли археологии в изучении древних письменных обществ.

Наличие текстов и связанных с ними изображений неминуемо меняет наше восприятие обществ прошлого. Часто в литературе можно встретить утверждение, что археологические данные позволяют судить о реальной практике, но слишком размыто свидетельствуют о существовавших институтах. Письменные же источники, наоборот, ненадежно отображают реальную практику, зато повествуют об институтах и ожидаемой роли участников. Отношения археологических и исторических источников описывались и в рамках других дихотомий. Например, как априори объективные и априори тенденциозные. Как фрагменты жизни и сообщения о жизни. Как то, что полноценно можно прочесть лишь однажды (во время раскопок) и то, что читать мож-

но бесконечно много раз и т.д.

Все эти противопоставления сводятся, по сути, к тому, что археологические и письменные источники дают разные перспективы на одну и ту же древнюю реальность. Кажется, что историкам и археологам, занимающимся древними письменными обществами, нужно просто найти рабочий алгоритм сведения письменных и археологических источников в непротиворечивое единство. Однако далеко не всегда и не во всем эти разные перспективы вообще хоть сколько-нибудь пересекаются.

В докладе будут рассмотрены несколько характерных примеров, где данные археологии дополняли и уточняли или, напротив, противоречили взглядам на древнеегипетскую историю и общество, сформировавшимся на основе анализа преимущественно письменных и изобразительных источников. Затем будут обсуждены основные точки зрения на предмет археологии, предложенные или обсуждавшиеся в рамках египтологии, и рассмотрена дискуссия о возможностях и ограничениях археологии при изучении цивилизации Древнего Египта, которая велась специалистами, работавшими или работающими в парадигме культурной истории, процессуализма и постпроцессуализма. В заключении автор представит свой взгляд на итоги этой дискуссии и перспективы ее продолжения.

Ю. А. Лихтер

Археологические изыскания в строительстве (Москва)

МОДЕЛИ И МЕТОДЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Анализом методических процедур в истории занимается историческая информатика. Одной из ее задач является построение информационной модели источника (Бородкин, 1996. С. 32).

Мы предлагаем посмотреть с этой точки зрения на исследования вещей в современной археологии. Статистический подход, при котором редко встречающиеся признаки отменяются как несущественные, Ю. Л. Щапова предложила предвзято информировать, когда учитывают наличие признака как таковое, вне зависимости от частоты встречаемости (Щапова, 1996. С. 105).

Одним из следствий этого стало изменение взгляда на соотношение часто и редко встречающихся признаков. С точки зрения распределения Ципфа – Парето, в нормально функционирующей системе (ценозе) должно быть гармоничное их сочетание (Кудрин, 1994).

Как правило, археологи отрицают эвристическую ценность моделей, поскольку не всегда эмпирический материал в них укладывается. По нашему мнению, именно применение расчетной модели и сопоставление с ней конкретного материала позволяют увидеть отклонения от естественного развития, вызванные исторической конкретикой. Можно сказать, что если нет правил, то незаметны и их нарушения.

Приведем только два примера:

1) Ю. Л. Щапова, изучая распределение стеклянных браслетов в новгородском культурном слое, обнаружила, что они распадаются на две группы. Одна полностью подчиняется законам нормального распределения, другая резко падает ярусах, синхронных разрушению Киева Батыевой ордой. Эти группы также различаются по составу. Вторую группу она определила как браслеты киевского происхождения (Щапова, 1972. Рис. 27. С. 132).

2) Е. К. Столярова подошла к продукции древнерусских стеклоделательных мастерских как к ценозу (распределение Ципфа – Парето). Благодаря этому она смогла реконструировать ситуацию в стеклоделательном ремесле накануне монгольского нашествия (Столярова, 2016. С. 186). Использование теории техноценоза позволило автору выявить кризис и в какой-то мере обосновать причины исчезновения древнерусского стеклоделия, помимо потрясений, связанных с вражеским вторжением.

Е. А. Мануилова

*Институт физики Земли РАН
(Москва)*

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОЧЕРТАНИЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

Исследование направлено на восстановление древнего рельефа Азиатского Боспора. Согласно результатам палинологических исследований, на протяжении шести тысяч лет климат на этой территории менялся – в начале позднего голоцена был более влажным, чем в настоящее время. На протяжении четырех тысяч лет для морей, окружающих полуостров, зафиксированы трансгрессивные и регрессивные эпохи. Также из сочинений древних авторов известно, что земли к востоку от Керченского пролива представляли собой архипелаг островов, разделенных морскими проливами или речными рукавами. На рубеже VII–VI вв. до н.э. греческие поселенцы основали на этой территории поселения. Их многочисленность подразумевает наличие достаточного количества пресной воды. Однако, в настоящее время на космических снимках видно, что даже около главных городов Азиатского Боспора (Фанагория, Гермонасса и др.) отсутствуют постоянные водотоки. Для этого района также характерны интенсивные современные тектонические движения, что проявляется в разноамплитудных скоростях вертикальных движений от -2 до +12 мм/год, зафиксированных на его берегах с применением системы GPS; наличием более 20 грязевых вулканов разной степени активности. Все эти данные указывают на то, что ландшафт территории Таманского полуострова претерпел значительные изменения за последние 2500 лет. В работе представлены результаты выделения генетических типов абразионных и флювиальных (современных и древних) форм рельефа Таманского полуострова, новейших и современных тектонических структур, поверхностей выравнивания, а также показана их взаимосвязь между собой. Разные типы форм рельефа, тектонические структуры и поверхности выравнивания выделены при проведении структурно-геоморфологического и дешифрирования морфометрического анализа данных дистанционного зондирования Земли и топографических карт. Верификация полученных данных проведена в ходе полевых исследований. В результате работы впервые локализована древняя гидросеть Таманского полуострова, составлены

схемы генетических типов флювиальных и абразионных форм рельефа, построена структурно-геоморфологическая карта района и схема поверхностей выравнивания. Выявлена приуроченность генетических типов флювиальных и абразионных форм рельефа к определенным элементам тектонических структур (разломы, локальные поднятия и впадины и т.д.). В работе показано, что территории с высокой плотностью поселений 2-й пол. VI в. до н. э. – 1-й четв. V в. до н.э. соответствуют районам максимумов древних водотоков. Комплексирование полученных результатов позволило оценить очертания древнего рельефа Таманского полуострова.

М. В. Медведева

*Институт истории материальной культуры РАН
(Санкт-Петербург)*

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ АЭРОФОТОСЪЕМКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В наши дни уже невозможно представить археологические исследования без применения аэрофотосъемки, но в начале XX в. эта прогрессивная методика фиксации только начинала внедряться в науку, и в полевой археологии использовалась редко. В Европе первые фотографии археологического объекта связывались с деятельностью британского лейтенанта П. Х. Шэрпа (Стоунхендж, 1906 г.), а недавно стало известно, что съемку с воздушного шара использовал в 1899 г. Дж. Бони для фиксации римского форума.

Начало применения аэрофотосъемки в отечественной археологии традиционно относили к периоду советской эпохи, но благодаря нескольким обнаруженным в фонде академика Н. Я. Марра (ФО НА ИИМК РАН. Ф. 23) photographиям удалось установить, что еще в 1911 г. русскими учеными производилась аэрофотосъемка древних памятников в Ани. На снимках четко виден момент запуска аэростатов рядом с древним городищем, кроме того, сотрудники экспедиции сфотографировались вместе с военными, исполнявшими работы, у крепостных стен.

Анийская экспедиция являлась одним из самых передовых и хорошо организованных археологических проектов на Кавказе. В X археологической кампании в Ани (1911 г.) принимали участие искусствоведы Н. П. Сычев, Н. Л. Окунев, художник С. Н. Полторацкий, фотограф А. М. Вруйр, студент Г. Гапанцян. Раскопки под руководством Н. Я. Марра велись в жилых кварталах, у Ашотовых стен, расчищена была церковь VIII в. и мечеть, исследовались пещерные сооружения.

В монографии Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища» нет никаких данных о проведении аэрофотосъемки в 1911 г. Упоминания об этом важном факте были опубликованы в 1960-е гг. в изданиях, посвященных истории российской авиации. В них сообщалось, что в июне 1911 г. из Карса в Ани на практику с аэростатом прибыла первая кавказская воздухоплавательная рота, авиатор А. Г. Топчиев поднялся на аэростате на высоту 400 метров и произ-

вел фотографирование развалин г. Ани. Материалы съемки использовал Н. Я. Марр в своих исследованиях. Долгое время такие важные сведения оставались вне поля зрения специалистов-археологов.

К сожалению, сами фотографии пока не получается найти ни в архиве Н. Я. Марра, ни в РГВИА, где хранятся дела по истории Первой Кавказской Воздухоплавательной роты. Тем не менее, достоверность выполнения аэрофотосъемки древних памятников Ани в 1911 г. не оставляет сомнений.

В. И. Мельник

Институт археологии РАН (Москва)

УСТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Установление культурной преемственности в археологическом исследовании на первый взгляд представляется совсем несложной задачей, однако при этом далеко не всегда учитывается характер, масштаб, контекст изучаемых объектов и явлений, а также отсутствует выверенная методика. Необходимость учета специфики культурной преемственности требует определенного подхода при ее рассмотрении.

Преемственность выступает основой развития, его важнейшей чертой. Понять переход к новому явлению невозможно без установления преемственной связи, без выяснения того единства и различия, которые существуют между явлениями в процессе развития. Ввиду того, что в археологическом исследовании мы судим о человеческой деятельности лишь по конечным результатам, лишь по данным артефактов, в которых запечатлена эта деятельность, то, таким образом, и переносим условно изменения в деятельности на изменения в артефактах. Специфика проявления преемственности, прослеживаемой по археологическим материалам, заключается также в особенностях самих этих материалов. Такие особенности археологических источников как фрагментарность, выборность и другие чаще всего затрудняют установление преемственности, но иногда археологические объекты бывают также и стратифицированы, то есть содержат напластования во временной последовательности. Это может служить указанием направления в установлении преемственных связей.

Преемственность как понятие развития можно рассматривать лишь применительно к объектам, в которых уже выделено внутреннее строение, структура. Когда фиксирована структура объекта, тогда сопоставление двух ее различных состояний позволяет установить, какие элементы и связи трансформировались, а какие удержаны, сохранены, то есть преемственно перешли в новое состояние. При выделении структуры большую роль играет степень дробности его структурных элементов, от чего в дальнейшем зависят результаты того или иного исследования. Соответственно связь между объектами при разной степени структурированности будет отражать и разные конкретные уровни

преемственности. За их основу могут быть взяты уровни основных понятий археологии: артефакт, тип, культура. При этом важно отметить структурные элементы каждого такого уровня, каковыми являются: для артефактов – свойства, для типов – признаки, для культур – типы.

Следующий необходимый шаг установления преемственности – выявление диапазона (масштаба, границ распространения, хронологических рамок) тех или иных объектов, соединенных преемственностью. Наиболее значимыми представляются следующие диапазоны: внутрикультурный, межкультурный и надкультурный (эпохальный или общечеловеческий).

Установление степени преемственности является очередным этапом в ее характеристике. Далее необходимо определить сферу преемственности. Здесь возможно в самом общем виде опираться на такие сферы как материальное производство, быт, духовная сфера. Таковым представляется путь установления и характеристики культурной преемственности в археологическом исследовании.

В. П. Мокрушин

*НАО «Наследие Кубани»
(Краснодар)*

О СХОДСТВЕ И ОТЛИЧИЯХ ФОРМ ЛЕПНОЙ ПОСУДЫ

Наш далекий предок, вовлеченный в повседневный жизненный уклад традиционного общества, без сомнения разделял с ним соответствующие культурные достижения и навыки, передававшиеся от старшего поколения – младшему, что гарантировало устойчивость всякого производственного цикла, включая процесс изготовления керамики и приемы ее декорирования. Опираясь на свою природную способность «действовать по представлению», человек, лепивший глиняную кухонную утварь, наверное, пытался тиражировать некий привычный ему «морфологический стандарт». Иногда априорно полагают, что перед ним стояла цель прилежно соблюсти одни и те же значения «признаков формы», постараться повторить все относительные параметры имеющейся фигуры.

В то же время известно, что самая «информативная часть зрительного образа» – есть внешний контур; его «особенности», крутые «экстремальные» изгибы выражали «основной смысл» наблюдаемой модели. В голове мастера, скорее всего, достаточно прочно удерживался облик наружного профиля воспроизводимой вещи, и его предстояло повторить как можно точнее, по необходимости, меняя размер. Не оставались стабильными наклон профиля относительно вертикальной оси сосуда, а также удаленность от нее самой. В результате подобных преобразований происходило случайное, либо сознательное нарушение пропорций изделия даже при отсутствии искажений копии контура.

Безусловно, использование современных компьютерных систем автоматического проектирования (САПР) облегчает решение важнейших насущных исследовательских задач. Одна из них – отыскать четкий критерий, чтобы обосновать различия, либо сходство у серии сосудов, заметно не совпадающих или визуально кажущихся почти одинаковыми. Для этого подобранный иллюстративный материал, после добавления в электронный чертеж, сначала приводят к единому масштабу. Наиболее правильная на вид емкость, лишенная грубых перекосов, условно рассматривается как «типовая». Ее правый, либо ле-

вый профиль не сложно сохранить в памяти ЭВМ в виде контрольной кривой с присвоением особого имени; в терминологии применяемой в данном случае программы AutoCAD эта операция именуется «создание блока». Теперь уже нетрудно совместить с оставшимися изображениями полученный шаблон, который увеличивают или уменьшают; изменяется также угол его вставки. Любые трансформации несложно измерить.

Строго говоря, контрольная кривая является полилинией – ломаной, собранной из коротких отрезков. Каждая их пара, стыкуясь своими концами, опирается на три точки (одна из которых – общая), а через них уже можно провести дугу. Дуги с малым радиусом следует рассматривать, как участки «наибольшей локальной кривизны» (НЛК), фиксирующие места акцентированных усилий гончара. Легко определяются и пункты «перегиба линий контура» (ПЛК), где выпуклая линия переходит в вогнутую. Обнаружение такого рода узких локальных зон на профиле глиняной емкости позволяет установить естественную структуру ее формы, отделив друг от друга различные конструктивные составляющие (щека, предплечье и др.).

С. В. Наугольных

*Геологический институт РАН
(Москва)*

**ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ДАННЫХ (МИКРОБИОМОРФЫ,
ГЕОХИМИЯ, ГРАНУЛОМЕТРИЯ) ДЛЯ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ
(НА ПРИМЕРЕ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО
ПАМЯТНИКА «КИНЖАЛ», КАВКАЗСКИЕ
МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ, СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ)**

Район Кавказских Минеральных вод известен как место находок каменных орудий раннепалеолитического (ашельского) облика (Любин, Беляева, 2004). По данным Б. Л. Годзевица (2004), в районе горы Кинжал, расположенной в 4 км к северо-западу от г. Минеральные Воды (Ставропольский край), обнажены гидрослюдистые и каолиновые коры выветривания с «линзами палеопочв». В зоне контакта магматических пород жерла палеовулкана горы Кинжал аргиллиты преобразованы в твердые и плотные роговики, послужившие вместе с бештаунитами сырьем для изготовления каменных орудий людьми раннего палеолита. Интрузивное ядро «кинжальского палеовулкана» возникло в конце миоцена, около 8–10 млн лет назад (Годзевич, 2004).

Автором были изучены два раннеплейстоценовых палеопочвенных профиля, расположенных в пределах горы Кинжал.

Профили сложены лессовидными суглинками и супесями, в верхней части обогащенными органикой и неокатанными обломками бештаунита, роговика и аргиллита. Из палеопочвенных профилей были извлечены многочисленные и разнообразные микробиоморфы: пыльца *Ephedra*, фитоциты цилиндрической и конической формы, принадлежавшие травянистым однодольным, фрагменты трахеид и кутикул высших растений. В гранулометрическом составе доминирует пылевая фракция (0,001–0,005 мкм). В химическом составе преобладают оксиды кремния и алюминия; из микроэлементов отмечается повышенное содержание серы, стронция и бария. Общий анализ полученных данных указывает на то, что раннеплейстоценовые палеопочвы разреза Кинжал сформировались в относительно теплых и сухих условиях предгорий Кавказа. Верхняя палеопочва горы Кинжал может соответ-

ствовать Горячеводской (Бакинской или гюнц-миндельской) террасе, с возвышением над руслом реки Суркуль от 90 до 160 м. Эта терраса, возможно, соответствует одной из понтийских террас, установленных А. Л. Чепалыгой (2017), например, восьмой (Манджилльской) террасой (возвышение над уровнем моря 100 м, предполагаемый возраст около 800 тыс. лет) или седьмой (Алчакской) террасой (предполагаемый возраст около 650–700 тыс. лет). На обеих террасах, по данным А. Л. Чепалыги, найдены палеолитические каменные орудия ашельского облика. Таким образом, время заложения верхнего палеопочвенного профиля горы Кинжал, возможно, должно соответствовать межледниковью гюнц-миндель и временному интервалу 550–475 тыс. лет назад.

В. Е. Науменко, В. К. Ганцев

*Крымский федеральный университет
(Симферополь)*

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ОКРУГИ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ): ОТ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ К НОВЫМ ПРАКТИКАМ

Мангупское городище является крупнейшим средневековым городом-крепостью в Юго-Западном Крыму. Оно расположено на вершине изолированного горного плато, отделенного от соседних возвышенностей плодородными долинами. Как показывают многолетние археологические исследования памятника, его существование неразрывно связано с поселениями и производственными центрами, расположенными в окрестностях.

Археологическое изучение Мангупа начато еще в середине XIX в. С 1967 г. раскопки приобрели планомерный характер. Методика исследований за более чем 150-летний период эволюционировала от бессистемных раскопок, направленных на поиск ярких артефактов, до целенаправленных работ на отдельных участках городища и его округи с привлечением разнообразного спектра современных технологий (геомагнитная разведка, фотограмметрия, лазерное 3D-сканирование и др.).

В последние десятилетия отдельным направлением работы Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В.И. Вернадского стало систематическое изучение памятников его округи. С 2006 по 2008 гг. был реализован совместный проект университета, Римско-германского центрального музея (Германия) и Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины (сейчас – НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского), нацеленный на изучение исторических ландшафтов, сложившихся на Мангупе и Эски-Кермене. Важным является то, что для решения поставленных задач был впервые использован геоинформационный подход. На сегодняшний день, изучение мангупских древностей становится невозможным без использования на практике методов ГИС-анализа. В качестве примера можно указать на применение модуля 3D Analyst в настольной программе ArcGIS 10.8 для установления зоны видимости с дозорно-оборонительной башни у восточного скального основания горного массива Шулдан напротив мыса Чамну-бурун Мангупского плато в раннесредневековое время.

Создание геоинформационной системы, на примере Мангупа, включает выполнение следующих научно-исследовательских задач. Прежде всего, ревизии и анализа материалов археологических разведок на памятнике и в его округе во второй половине XX – начале XXI в. Затем следует выполнить натурное обследование склонов Мангупа и окружающих долин. Картографирование археологических объектов должно сопровождаться использованием приборов глобального спутникового позиционирования. В дальнейшем на площади локализованных памятников выполняется геомагнитная съемка с целью получения первичных данных о планировке объектов. После этого требуется проведение шурфовочных работ, чтобы установить их хронологию и проверить данные магниторазведки. На этом завершается стандартный в археологической науке полевой этап исследований и начинается стадия камеральной обработки их результатов. Она включает внесение полученных материалов в созданную базу данных в программе ArcGIS, что позволит построить модели культурного ландшафта средневековой эпохи округа Мангупского городища и определить агрономические и производственные зоны для данного исторического периода.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ «Северный пригород Мангупского городища: археолого-топографические исследования», проект № 24-78-00032.

Л. Н. Плеханова

*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения
ФИЦ «Пушкинский центр биологических исследований» РАН
(Пушино)*

КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ – ЗОЛЬНИКИ КАК ОБЪЕКТ ПАЛЕОПОЧВЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ

Почвы древних поселений формируются под влиянием природных и антропогенных факторов, их естественное развитие прервано ростом природно-антропогенных наносов. Среди разнообразия этих наносов в верхней части современного профиля выделяются культурные слои, содержащие артефакты прошлых эпох.

Культурный слой характеризуется более легким гранулометрическим составом, карбонатностью, щелочностью, слабой засоленностью, высоким содержанием фосфатов. Материал слоя «зольник» не всегда подвергался воздействию огня и является не только костровой золой, но антропогенно-преобразованной обогащенной карбонатами породой.

Зольники, как разновидность культурных слоев, больше изучались в степи. Обнаружены крупные ландшафтные образования в виде зольников Молдавии (Sava, Kaiser, 2011), где при сборе свидетельств о наличии зольников в главе VII опубликовали и наши данные по Южному Уралу. Отметим, что пространственная локализация зольников на памятниках, по мнению ряда археологов, имеет четкие границы. С точки зрения почвоведения, во всех случаях белесый горизонт зольников лежит в глубине профиля и перекрыт почвообразованием дневных поверхностей, часто включая активные процессы последних этапов восстановления экосистем.

В теории почвоведения вопросы происхождения светлых почвенных горизонтов детально разработаны для кислых обстановок (Зайдельман, 2010; и др.), горизонты эти на всех типах почв моногенетичны по происхождению в результате процесса глееобразования при застойно-промывном режиме на породах без сульфатов. Зольники же являются карбонатно-обогащенными горизонтами. Основная проблема при изучении почв, содержащих зольники, – состоит в отсутствии стройной теории их происхождения.

С. М. Сакания, Г. В. Требелева

Абхазский институт гуманитарных исследований АНА (Сухум, Абхазия)

Институт археологии РАН (Москва)

СТАНОВЛЕНИЕ АБХАЗСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НАРОДА АБХАЗИИ 1992–1993 ГГ.

Распад Советского Союза для ряда республик обернулся кровавыми войнами. К сожалению, народу Абхазии пришлось пережить кровавую войну, которая унесла жизни многих ее сыновей и дочерей. Эта война продлилась 413 дней, навсегда разделив жизнь страны на «ДО» и «ПОСЛЕ». И это «ПОСЛЕ» было непростым, так как за войной последовали долгие годы блокады (1993–1999 гг.), когда республика оказалась полностью отрезана от всего внешнего мира. В этих тяжелых условиях блокады, в разоренной войной стране начала складываться абхазская археологическая наука. Ее имя неразрывно связано с именем Вадима Викторовича Бжания, который еще с 1989 г. возглавлял Управление по охране историко-культурного наследия. В тесной связке с возобновившем уже в 1994 г. свою работу Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д. Гулиа (а нужно сказать, что институт был фактически полностью сожжен в годы войны), В. В. Бжания развернул археологические работы в разоренной войной и блокадой стране, и не просто развернул эти работы, а смог создать целую школу, вырастив плеяду абхазских археологов – «Птенцы гнезда Вадима», которые успешно в полной изоляции от мира, с одной стороны, опираясь на имеющийся советский задел, с другой, на энтузиазм, патриотический подъем и осознание того, что археология – это важнейшая отрасль исторической науки, лежащая в фундаменте исторического самосознания народа, вели археологические исследования с 1994 по 2000 г.

Новый этап развития абхазской археологии начался в 2001 г. В 2000 г. с избранием нового президента в Российской Федерации разрывается блокада республики и в 2001 г. в Абхазию приезжают российские ученые, создается первая международная российско-абхазская археологическая экспедиция, под руководством Ю. В. Горлова с российской стороны, и Д. С. Бжания – с абхазской. Кроме совместных экспедиций, новый этап был ознаменован и тем, что абхазские археологи получили возможность публиковаться в российских научных изданиях, участвовать в различных научных конференциях. Начинается издание

собственных научных трудов, организация конференций, симпозиумов, круглых столов на территории Абхазии. Начинается бурный этап развития археологии в стране.

Собственно, кратко о проведенных как в годы блокады, так и на новом этапе развития, работах абхазских археологов, о принципах их организации, теоретических и методических основах, а также особенностях и будет доклад.

Т. В. Сарапулкина

*Севастопольский государственный университет
(Севастополь)*

**ПАМЯТНИК АРХЕОЛОГИИ ПОСЛЕ РАСКОПОК –
БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННЫХ ОХРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В АРХЕОЛОГИИ**

Разрушающий характер археологических полевых исследований является и спецификой, и устоявшейся практикой, и причиной строгой регламентации подобных исследований. Для большей части страны судьба памятника или его части после раскопок до уровня материка не является секретом или поводом для проблемной ситуации. Однако часть регионов, а именно та, где присутствуют каменные конструктивы в составе археологических памятников, с современным ростом уровня формализации любого процесса нередко создает массу и теоретических, и методических проблем. Особенно это касается охранных археологических работ.

После раскопок, в том числе до уровня материка, чаще всего на античных и средневековых памятниках Юга России остаются кладки древних объектов в 2–3 и до 10–15 рядов. Логически из всех имеющихся законодательных и методических документов можно сделать вывод, что именно исследователь/держатель Открытого листа и принимает решение, что делать с подобными археологическими объектами.

Если это плановые научные раскопки, то сценарий обычно такой: все более поздние объекты разбираются, чтобы была возможность изучить более ранние напластования культурного слоя и предшествующие по времени объекты. В случае, если подобные объекты не создают препятствий для дальнейшего исследования памятника или располагаются на уровне материка, то наблюдаются два пути: консервация их вместе с раскопом путем обратной засыпки грунта, либо разбор или частичный разбор для изучения структуры кладки и поиска пятен объектов под ним на уровне материка.

Если это охранные раскопки, также можно наблюдать эти два сценария, однако на принятие решения исследователем оказывают большее влияние два аспекта: интересы застройщика (полностью освобо-

дить участок) и мнение местной общественности (сохранить все, чему более 100 лет). Исследователя и археологическую организацию в такой ситуации можно только пожалеть.

Отсутствие четких критериев для определения судьбы подобных памятников приводит к ситуациям, подобным строительству Охтacentра, к практике практически 100% исследования таких памятников с «полным изъятием», к совершенно единичным и уникальным случаям с Манитрой, Тульским Кремлем.

Возможно, в современной ситуации, когда вопрос сохранения археологического наследия страны, его невыявленной на данный момент части путем предварительного обследования земельных участков перед застройкой, повис в воздухе и ежегодно подвергается нападкам строительного лобби, и не так актуален, однако без его решения растет вероятность, что уйдет под стройку и часть археологически-архитектурного наследия, зачастую достойная музеефикации.

Четкие критерии при определении судьбы археологических памятников с архитектурной составляющей должны быть определены и на законодательном, и на методическом уровне, иметь свою ясную теоретическую основу.

В докладе будут представлены для обсуждения предлагаемые автором критерии.

А. А. Сеницын

*Институт истории материальной культуры РАН
(Санкт-Петербург)*

ПЕРВОБЫТНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА И РАЗЛИЧИЙ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исторически сложилось деление археологии на первобытную и историческую в отечественной науке, и ее деление на до-, прото- и историческую в западной. На практические исследования это различие влияния почти не оказывало, но вопрос о соответствии моделей периодизации остался, также как остался вопрос о целесообразности его постановки.

Практическое значение он приобретает, если признать (1) что механизмы формообразования материального компонента культуры выделяемых подразделов имеют качественные различия, которые (2) требуют различной методологии анализа.

Во всех случаях основой реконструктивных построений остается концепция археологических культур (АК), основанная на единстве технико-типологических показателей материальной культуры, хронологии и территории.

В докладе к обсуждению предлагается точка зрения, согласно которой АК палеолита качественно отличаются от археологических культур более поздних эпох:

1) АК палеолита не имеют выраженной связи с природной зональностью, связаны с бассейнами крупных рек, в Европе и Северной Азии имеющих преимущественно меридиональное направление, пересекая разные ландшафтные зоны. Связь с природной зональностью прослеживается начиная с неолита, когда формируется круг лесных, степных, циркумполярных и пр. культур;

2) археологические культуры, начиная с эпохи металла, имеют выраженные центр(ы) и периферию; культуры палеолита – нет; для неолита вопрос остается дискуссионным;

3) пространственно-временная локализация археологических культур постпалеолитических эпох, как правило, совпадает с локализацией основных составляющих (типов вещей, сооружений, погребального обряда, искусства и пр.). Археологические культуры палеолита выделя-

ются или по отдельным “ведущим формам”, или по сочетаемости типов, каждый из которых как правило, имеет не совпадающий с ней ареал распространения: типологические аналогии в западноевропейском и сибирском палеолите удивления не вызывают.

Как в западной, так и в отечественной науке сторонники двучленной периодизации связывают ее с экономическими причинами – возникновением производящего хозяйства и ремесла. Марксистское положение об основополагающем значении отделения производства от потребления-распределения находит соответствие и развитие в концепциях А. Н. Рогачева и А. Леруа-Гурана об их связи с изменением принципов формообразования. Если признать, что главной задачей практической археологии является перевод полученного при раскопках материала из состояния источника в состояние полноценного научного факта, надо будет признать и необходимость поиска иных (или, как минимум, дополнительных к существующим) критериев его анализа для первобытной (доисторической) археологии. Обоснованным с этих позиций будет признание границы между двумя подразделами за возникновением производящей экономики, ремесленного производства и сложением хозяйственно-культурных типов.

Работа подготовлена в рамках темы госзадания FMZF-2025-0007.

А. Н. Сорокин

*Институт археологии РАН
(Москва)*

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ В АРХЕОЛОГИИ И ГЕОАРХЕОЛОГИИ

Понятие «культурного слоя» в археологии относится к субстратным. Предполагается, что это «исторически сложившаяся система напластований, состоящая в основном из органических и строительных остатков, образовавшихся в результате деятельности человека...» (Авдусин, 1980). В ряде случаев содержание термина расширяется до понятия «техносферы» (Каменецкий, 1970), или напротив, сужается, как для эпохи первобытности, до «структурного единства предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности, залегающих в погребенном состоянии» (Амирханов, 1997).

Совершенно очевидно, что при традиционном археологическом подходе роль человека в формировании культурного слоя, если вообще не единственная, то главенствующая, с чем вряд ли возможно согласиться. Ибо эпизод освоения любого ландшафта человеком, результатом чего служит памятник археологии, – «наносекунда» по отношению к вечности пребывания артефактов в естественной среде. Однако весь огромный период, отделяющий реальный «момент жизни» от практического исследования объекта археологического наследия, остается вне сферы изучения представителями традиционной археологии.

Время обитания людей в любой географической точке является эпизодом не столько в истории, сколько в бесконечной череде природных событий, а все, фиксируемые археологически, результаты человеческой деятельности заключены в отложения и подвержены неумолимому воздействию природных процессов. За редчайшим исключением никакие антропогенные следы сохраниться без физической основы – геологической породы – не могут.

Структурное единство, наблюдаемое в процессе раскопок, в значительной степени тафономическое. Решающая роль в пространственных перемещениях артефактов на первобытных памятниках принадлежит процессам почвообразования. Благодаря их воздействию рождаются «контексты», не имеющие к деятельности человека никакого отношения (Wood, Johnson, 1978). Все предметы, объекты и другие остатки человеческой деятельности, залегающие в погребенном состоянии,

являются «вещным» заполнением напластований, поэтому обозначать структурные элементы слоем (субстанцией) – явная гносеологическая ошибка.

Альтернативой археологическому подходу служит методология геоархеологии, когда памятник археологии рассматривается в качестве объекта биосферы, состояние которого определяется законами мироздания (Wood, Johnson, 1978; Vermeersch, 1999; Сорокин, 2019, 2022).

Сказанное означает, что первый компонент бинарного термина «культурный слой» – рецессивный, второй – доминантный. Следовательно, стандартное археологическое смысловое содержание, вкладываемое в данное определение и обозначенное прилагательным, следует подчинить его фундаментальной (базовой) геологической основе. Это означает, что под культурным слоем следует понимать модифицированное геологическое тело с заключенными в нем артефактами и другими следами человеческой деятельности (Сорокин, 2013). По сути своей данный феномен – итог преобразования породы вследствие антропогенного вмешательства и их последующей глобальной трансформации процессами природной переработки и тафономии. Эта формулировка отражает бинарную сущность рассматриваемого феномена и ранжирует его природную и антропогенную составляющие. Этим она качественно отличается от традиционных археологических определений. Разница между археологическим и геоархеологическим подходами не терминологическая, а сущностная. Объективное постижение понятия «культурный слой» возможно исключительно методами геоархеологии.

Исследование выполнено в рамках темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (НИОКТР № 122011200264-9).

Е. В. Суханов

*Институт археологии РАН
(Москва)*

ФОРМЫ СОСУДОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ: «ЗА ПРЕДЕЛАМИ» ТИПОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ

Научную значимость такого источника информации, как форма глиняного сосуда, сложно переоценить. Сфера его применения в археологии обширна: от культурно-хронологической атрибуции памятников, их периодизации до реконструкции этнокультурного состава древнего населения. Наиболее распространенный в археологии алгоритм изучения форм керамических сосудов можно представить следующим образом:

- 1) разделение материала на более или менее однородные таксоны;
- 2) сопоставление этих таксонов с другими источниками информации для установления их этнокультурных, хронологических, планиграфических или территориальных различий. Многое из того, что мы сегодня знаем о древней керамике, получено именно таким способом. В этом отношении показателен опыт изучения античной керамики. Благодаря большому количеству узко датированных археологических комплексов, различные типы амфор впоследствии сами становятся надежным хронологическим маркером.

Но такой подход недостаточно эффективен для работы с керамикой из памятников со слабоизученной хронологической или территориальной спецификой, не обладающих выразительной стратиграфией или обилием узко-датированных закрытых комплексов. Подобные случаи встречаются в материалах самых разных эпох – от неолита до средневековья. В таких ситуациях исследователь оказывается в сложном положении: какой бы детализированной и логически безупречной ни была его типология / классификация, выделенные типы посуды, скорее всего, «повиснут в воздухе». Особенно ярко эта проблема проявляется при изучении материалов так называемых контактных зон, где из-за размытости культурных и территориальных границ сложно ожидать компактного распределения разных типов сосудов по памятникам или районам, а также их строгой связи с определенными погребальными обрядами.

Таким образом, изучение форм керамических сосудов в современной археологии не следует ограничивать созданием типологий и клас-

сификаций. Необходимо искать методы, позволяющие извлекать из этого источника полезную информацию, независимо от степени полноты археологического контекста. Наиболее перспективное направление таких поисков – рассматривать формы сосудов как результат человеческого труда и изучать навыки, с помощью которых эти формы сделаны. Этот подход активно развивается как в зарубежной, так и российской науке. Несмотря на его достаточно скромное место в масштабах археологии в целом, его разработка уже позволила получить некоторые принципиально новые для археологии данные. Например, выявлены достоверные различия в устойчивости навыков создания форм сосудов, используемых мастерами любого уровня квалификации: оказалось, что навыки придания определенного угла наклона функциональным частям сосуда являются значительно более стабильными, чем размерные и пропорциональные характеристики этих же частей, независимо от того, как делается сосуд и его форма. Это дает новые ориентиры в изучении культурной преемственности на основе керамических находок, а также интерпретации сходств и различий археологических объектов по наборам керамических форм. При этом важно подчеркнуть, что изучение навыков создания форм сосудов – это не противопоставление «традиционному» подходу к анализу данного источника, а расширение его информационного потенциала.

Л. В. Татаурова

Институт археологии и этнографии СО РАН (Омск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Особенности формирования археологического источника Нового времени требуют для его интерпретации применения более сложных исследовательских процедур, интеграции разнородных и разноплановых источников.

Процесс познания этих источников включает три этапа: первый – создание типологий археологических вещей (объектов) с реконструированным назначением, которые выступают как базовый информационный ресурс; второй – комплексный ретроспективный анализ имеющихся типологий с применением культурологического подхода; рассмотрение достигнутых результатов в рамках моделей этнокультурной среды (третий этап), в которой создавались и функционировали предметы и объекты в живой культуре. Этнокультурная среда может быть как моно-, так и поликультурной: предметы и объекты, как материальные, так и духовные, в силу своих прогрессивных качеств могли широко распространяться среди разных народов, например, как культурологический феномен Русского мира в период освоения Сибири в XVI–XVIII вв. Источники моделирования этнокультурной среды: письменные и лингвистические, антропологические, изобразительные, этноархеологический, этнографический. Объективный научный результат будет только тогда, когда в трактовке археологического артефакта объединятся все виды источников. Примеры применения такого подхода имеются в изучении керамического производства и его продукции, как элемента системы питания; отдельных элементов костюмных комплексов; жилищных комплексов с позиции анализа плотницких знаний и навыков, распространения традиционных типов жилищ, их планиграфии, площади, высотности. Имеется опыт построения типологий предметов духовной культуры, связанных с системой воспитания и обучения грамотности.

Значимость получаемых результатов актуальна не только для реконструкции исторического пошлого населения локальных территорий или отдельных регионов, но и в целом для всей России в определенный хронологический период.

Работа выполнена по теме Госзадания FWZG-2025-0013 «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков».

А. А. Тишкин

*Алтайский государственный университет
(Барнаул)*

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СТРУКТУРИРОВАННЫХ ПОНЯТИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПЕРИОДИЗАЦИИ, КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ДАТИРОВАНИИ

Несмотря на фундаментальный характер исследований и динамичное развитие, археология в современной России в определенной мере пока достигла только уровня научной дисциплины и далека до приобретения более высокого статуса. Этому продвижению имеется ряд серьезных преград. Они не только связаны с необходимостью комплексного обоснования методологии, объекта и предмета изучения. Основная проблема, на мой взгляд, заключается в отсутствии системно выстроенного высшего специализированного образования, не говоря уже об официальном закреплении соответствующей профессии и устойчивой зоны ее применения в социально-экономической парадигме государства. Стоит отметить недостаточную разработанность теоретической базы. В частности, до конца не сформирован и не принят профессиональным сообществом необходимый понятийный аппарат. Поэтому по-прежнему продолжают транслироваться сленговые формулировки и «отсебятина», что вполне объяснимо. Целенаправленное преодоление имеющейся ситуации возможно через специализированные образовательные программы, издание словарей, учебников и учебных пособий, а также путем систематически организуемых теоретико-методических семинаров с последующей публикацией материалов. Понятно, что указанные задачи непростые, но их надо обозначать и последовательно решать. Одной из форм предложений и обсуждений остаются периодические издания. Такой площадкой является журнал «Теория и практика археологических исследований» (<https://journal.asu.ru/tpai/index>), но его раздел «Теоретические и методические проблемы археологии» пока является менее всего наполняемым.

Особенно очевидные неразумения заметны в имеющихся периодизационных построениях глобального или локального плана, а также в предлагаемых культурно-хронологических схемах и при постоянном археологическом датировании. Данная тема уже поднималась в некото-

рых моих публикациях, и в них были предложены решения практического характера, основанные на уже принятом категориальном аппарате, который отражает хронологические показатели разного таксономического уровня (Тишкин, 2007; 2014; и др.). В результате с опорой на дедуктивный принцип (от общего к единичному) был определен такой понятийный ряд: «эра – эпоха – период – время – культура – этап – стадия – фаза – событие – миг». На наш взгляд, он охватывает максимально возможные характеристики для отражения хронологических построений. Подробно представленная и неоднократно апробированная конструкция использовалась при формировании структуры археологического тома «Истории Алтая» (2019). В рассматриваемом контексте стоит в качестве примера остановиться на использовании понятия «эпоха». Тотально часто археологи при датировании объектов указывают «эпоху поздней бронзы», хотя это алогично при наличии эпохи бронзы. Более парадоксальными выглядят такие словосочетания, как «эпоха раннего железного века» или «эпоха раннескифского времени». Предлагаемая автором разработка может способствовать унификации терминологического аппарата.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00470-П.

А. А. Тишкин, С. Ю. Бондаренко
*Алтайский государственный университет
(Барнаул)*

«ОЛЕННЫЕ» КАМНИ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЙ, СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Изучению древних каменных изваяний, как отмечено коллегами из «Лаборатории RSSDA» (<https://rssda.su/workdata/rsf-22-18-00470/>), по недоразумению именуемых «оленными», посвящено обширное количество научной литературы, в том числе касающейся имеющегося обозначения. Их вполне могли называть «рыбьими» или «рыбоподобными» (Ожередов, 2008), но закрепилось другое название, которое также не отражает сущность очень важного явления, возникшего и оформившегося в среде древних кочевников (в конце II тыс. до н.э.). Это понимают многие исследователи, но, чтобы не отходить от сложившейся традиции, слово «оленный» или словосочетание «оленный камень» берут в кавычки. Примеров такого использования достаточно, начиная с А. М. Позднеева (1896. С. 220), который в свое время указывал на неправомерность появившегося термина. Другие коллеги, не задумываясь или просто ленись делать лишние знаки, пишут без кавычек. В данной ситуации есть смысл не только упорядочить рассматриваемое обозначение, но и продолжить осмысление таких древних изваяний, которые отличаются многообразием форм, а также набором и стилями изображений. Парадокс заключается в том, что на многих из них отсутствуют стилизованные олени, и называть их «оленные» не совсем корректно. Один из первооткрывателей древностей Внутренней Азии Г. Н. Потанин (1881, вып. II. С. 64) указывал, что монголы каменные изваяния в виде столбов с изображениями или без них в последней четверти XIX в. называли кишачило (кошо-чило – «овечий» камень. – Авт.), урянхайцы – киша-таш, а киргизы – сын-тас. Имелись и другие наименования, но предпочтение было отдано обозначению «оленный» из-за яркой композиционной особенности, смысловое значение которой до сих пор не выяснено. Предложенное условное группирование всей совокупности известных «оленных» камней по базовому территориальному признаку (Волков, 2002; Савинов, 1994; и др.) также «не работает». Как оказалось, монголо-забайкаль-

ский тип изваяний распространен практически по всему ареалу, как саяно-алтайский и общевразийский. С накоплением данных обозначилось понимание необходимости новой классификации (Erdenebaatar, 2021), которую на самом деле еще предстоит разработать на основе системного структурирования. Этому процессу будет способствовать внедрение современных цифровых технологий. Уже имеющийся опыт существенно изменил качество исследований, а также демонстрацию результатов, которая, по-прежнему, подается в плоскостной форме, хотя возможности позволяют рассматривать высококачественные 3D-модели, что будет продемонстрировано в докладе на основе компьютерной программы, разработанной авторами и зарегистрированной в ФИПС РФ. Реализуемый проект РНФ позволил выйти на новый уровень документирования и презентации «оленных» камней, а также предложить решение проблемы получения детальных графических прорисовок на основе цифровых копий изваяний. Полученные результаты находят отражение на сайте nomads-asia.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00470-П.

Е. С. Ткач

*Институт истории материальной культуры РАН
(Санкт-Петербург)*

МЕЖДУ МИРАМИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И ОХОТНИКОВ- РЫБОЛОВОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ: СУБНЕОЛИТ В АРХЕОЛОГИИ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА ЕВРАЗИИ

В археологической науке существуют устоявшиеся, хотя и не бесспорные определения археологических периодов каменного века. В последние годы возрос интерес к определению понятия «неолит» и выделению его критериев (см. обсуждения на Всемирном неолитическом конгрессе, г. Шанлыурфа, Турция, 2024 г.). Например, за основу периодизации в советской/постсоветской литературе для лесной зоны принято появление и широкое распространение производства керамики, в то время как для большей территории Европы в качестве основополагающего используется социально-экономический критерий – распространение производящего хозяйства (скотоводства и земледелия).

Более запутанно дело обстоит при изучении материальных остатков тех сообществ, которые расположены на стыке между этими технологическими и социально-экономическими формациями. К таковым можно отнести, например, территорию Юго-Восточной Прибалтики, а именно северо-восточную часть Польши и Калининградскую область России. Основные теоретические разработки по выделению здесь иного археологического периода, отличного от мезолита и неолита, – субнеолита – проводились в течение XX в. польскими учеными, в последние годы работы продолжаются М. Новаком.

Примером субнеолита может выступать цедмарская культура V–IV тыс. до н.э. Вероятно, в ее формировании участвовали как местное население, представленное общинами охотников-рыболовов-собирателей, так и пришлое население с территории Центральной и, возможно, Южной Европы, уже овладевшее навыками производящего хозяйства. Как результат, в материальной культуре отображаются различные аспекты этого взаимодействия: керамические импорты, своеобразная технология и морфология глиняной посуды; отсутствие изменений в технологии кремневого инвентаря; присутствие малого количества костей домашних животных.

Все это вместе, однако, не позволяет отнести цедмарскую культуру к неолитическому периоду в рамках европейских представлений (кости домашних животных, вероятно, получены в результате обменных отношений). С другой стороны, их наличие, а также контакты с населением культур воронковидных кубков и, возможно, круга культур позднего этапа линейно-ленточной керамики (или даже буго-днестровской культуры) свидетельствуют о вероятной начальной стадии такого перехода. Примером схожих культурно-исторических процессов могут послужить результаты исследований памятника Дабки в Северной Германии. В культурных напластованиях также выявлены импорты с южных территорий (в первую очередь, в керамике), малое количество костей домашних животных.

К сожалению, на данный момент присутствует всего несколько археологических памятников, культурные слои которых расположены в торфяниковых отложениях и материалы с которых, в свою очередь, представлены различными типами артефактов, доступных к изучению. Дальнейшее изучение как самих материальных остатков прошлого, включая использование трасологического метода, так и привлечение результатов естественнонаучных исследований может позволить подтвердить выделение «субнеолита» в периодизационной системе на европейской территории, как это ранее произошло с мезолитом.

А. А. Ткачев

*Институт проблем освоения Севера
Тюменского научного центра СО РАН (Тюмень)*

СЕМЬЯ В АНДРОНОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ)

При изучении археологических культур и стоящих за ними древних обществ материалы раскопанных погребальных памятников, дополненные этнографическими параллелями, являются основными и зачастую единственными источниками социальных реконструкций. В погребальном обряде заключена разноплановая информация, анализ которой позволяет с известной долей вероятности воссоздать семейную структуру в древних сообществах.

Большинство специалистов в результате археолого-этнографических сопоставлений материалов поселений и могильников пришли к выводу о господстве патриархальных отношений в андроновскую эпоху. Закрепилось представление о том, что основными признаками, связанными с патриархальными отношениями, являются парные разнополые погребения. Анализ материалов, полученных при изучении погребальных памятников Центрального Казахстана, позволяет высказать несколько иное мнение, подтверждаемое и новыми исследованиями в смежных регионах.

Согласно существующему мнению, в соответствии с правилами дуальной организации родового общества, одновременно умершие мужчина и женщина подразумевались мужем и женой и хоронились в одной могиле, а оставшиеся в живых могли составлять новую пару. Сторонники «строгой» экзогамии связывают распространение парных погребений с патриархальной или даже моногамной семьей. Приверженцы «нестрогой» экзогамии видят в парных захоронениях свидетельства существования парной семьи при разложении родового строя и выделения индивидуальной семьи внутри большесемейной общины. Иногда высказываются суждения о том, что парные погребения могли принадлежать как парной, так и моногамной семье.

Обряд погребения можно рассматривать как два больших комплекса ритуальных действий: первый направлен на соединение умершего с покойными родственниками; второй заключался в выделении умер-

шего среди ранее умерших родственников группы путем подчеркивания его личных заслуг и общественного положения при жизни. Это связано с тем, что в древнем обществе определяющим признаком родовой принадлежности является уникальность каждого погребения.

На территории Центрального Казахстана в нуртайско-атасуский период происходит постепенное становление достаточно прочных брачных уз и отношений на фоне усиления индивидуального биологического родства. Это проявилось в развитии пристроечных комплексов, содержащих многочисленные парные погребения, отличающиеся более бедным инвентарем. Поэтому дифференциацию общества следует связывать с фактом появления одиночных захоронений, как мужских, так и женских, сопровождающихся престижным инвентарем. Следовательно, парные захоронения можно считать пережитком более раннего времени, отражающим более древние социальные отношения.

Наличие парных погребений в эпоху бронзы связано с проявлением принципов экзогамии – запрета брака с членами своей группы и обязанности его с членами другой, т.е. двух равноправно действующих требований. Случайность такого соединения подтверждается разным возрастом умерших мужчин и женщин, обнаруженных в парных захоронениях.

А. В. Файферт

«Донское наследие» (Ростов-на-Дону)

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Общепринятой парадигмой (методологической и философской базой) общественных наук до сих пор является исторический материализм, в основе которого лежит марксизм. К. Маркс и Ф. Энгельс, опираясь на экономические законы, открытые А. Смитом и Д. Рикардо, установили прямую взаимообусловленность между экономическими и социальными отношениями. При этом экономика является первичной: «Общество в марксизме рассматривается как организм, в структуре которого производительные силы определяют производственные отношения, формы собственности, которые в свою очередь обуславливают классовую структуру общества, политику, государство, право, мораль, философию, религию, искусство. Единство и взаимодействие этих сфер образуют определенную общественно-экономическую формацию; их развитие и смена составляют процесс поступательного движения общества» (Современный толковый словарь, 2003).

Марксизм сосредоточен на социально-экономических законах, сводя все общественные отношения к ним. Однако экономически обусловленным взаимодействием не исчерпывается многообразие социальных отношений. Какова экономика материнской заботы о новорожденном ребенке? Как они определяют производственные отношения и формы собственности? Также не объяснить экономическими потребностями семейные, дружеские, любовные, сексуальные отношения. Любая семья, заводя детей, ведет себя экономически нерационально, поскольку становится беднее. Но люди продолжают это делать. Многообразие социальных отношений не исчерпывается экономически обусловленными, к примеру, между учениками в школьном классе. С большой натяжкой экономическими интересами можно объяснить деятельность волонтеров на сборе разлившейся нефти, идущего на смерть партизана. Человек, идущий на смерть, – это не экономическое событие, а биологическое. А значит и объяснение закономерно должно быть социально-биологическим, а не социально-экономическим. Социальные животные, например, шимпанзе, не имеют экономических отношений, поскольку не создают прибавочную стоимость, но имеют развитые со-

циальные отношения. На наш взгляд, еще хуже марксизм объясняет социальный антагонизм: расизм, ненависть между народами, рабство в эпоху доминирования наемного труда. Т.е. марксистская научная парадигма полностью упускает из виду биологически обусловленные социальные отношения.

Несомненно, эрудированный читатель укажет, что ответы на поставленные вопросы ранее были даны. Однако наличие ответа не означает его правильность, полноту и аргументированность.

Примером попытки выйти за рамки социально-экономической парадигмы является пассионарная теория этногенеза Л. Н. Гумилева, где автор, неудовлетворенный существующими объяснениями некоторых процессов древности, сформулировал синтетическую социально-биологическую и ландшафтно-энергетическую (Гумилев, 2001. С. 303) трактовку событийной канвы истории раннего Средневековья. К настоящему времени эта теория отвергнута. Но проблемы, которые она пыталась объяснить, не решены.

Иллюстрацией действия иных, внеэкономических законов является пирамида потребностей Маслоу – Котлера (Ефремова, Жданкин. 2020. С. 51), которая иллюстрирует биологическую мотивацию действий Homo Sapiens. Из нее следует, что удовлетворение потребностей может осуществляться как экономической, так и иной деятельностью. А часть потребностей (жажда, секс, безопасность, познавательные и эстетические потребности) не связаны или связаны косвенно с экономикой.

Ю. Б. Цетлин

Институт археологии РАН (Москва)

О СОДЕРЖАНИИ И СТРУКТУРЕ ТЕОРИИ АРХЕОЛОГИИ (ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА)

Археологию можно разделить на полевую, которая занимается добычей археологических источников, и условно аналитическую, задача которой – анализ и интерпретация этих источников. О ней далее и пойдет речь.

В истории археологии выделены три методологических подхода, характерных для отечественной и зарубежной науки: эмоционально-описательный (наиболее ранний), формально-классификационный и историко-культурный (наиболее поздний). Поскольку археология развивается во времени, ее теория также меняется во времени. Дальнейшее изложение будет посвящено анализу содержания и структуры теории археологии с позиций историко-культурного подхода.

Основной вопрос теории любой науки – вопрос о ее объекте и предмете, т.е., какую часть окружающего мира и с какой целью она исследует. С позиций историко-культурного подхода, «объектом» исследования археологии являются материализованные результаты человеческой деятельности, а «предметом» – история людей, оставивших эти результаты.

Исходя из такого понимания объекта и предмета, рассмотрим вопрос о внутренней структуре теории археологии как науки. Весь исследовательский процесс в археологии распадается на три основных этапа:

- 1) выделение исторической информации из источника;
- 2) анализ этой информации;
- 3) ее интерпретация.

Для осуществления этой деятельности археология должна располагать:

- 1) методами выделения исторической информации из объекта исследования;
- 2) методами сравнительно-исторического анализа этой информации;
- 3) методами ее исторической интерпретации.

В процессе конкретных исследований в археологии формируется специальная система понятий, характеризующих, с одной стороны,

методы выделения, анализа и интерпретации исторической информации, а с другой стороны, описывающая все аспекты реконструируемого исторического процесса. Изучение археологических источников, разработка для этого особой системы методов и адекватной системы понятий базируются на основных научных принципах: объективности, детерминизма, системности, развития и доказательности.

В результате исследователь естественным путем выходит на предмет археологии как науки – реконструкцию (с определенной степенью приближения к истине) истории конкретных человеческих обществ и закономерностей их развития в сферах материальной, социальной и духовной культуры.

Таким образом, понятие «структура теории археологии» как науки на определенном этапе своего развития включает:

- 1) объект и предмет археологии;
- 2) этапы получения нового знания;
- 3) систему методов и принципов научного исследования;
- 4) систему аналитических понятий;
- 5) закономерности развития самой археологии и ее теории.

Таким образом, разработка «теории археологии» – это сугубо практический вопрос, являющийся результатом анализа закономерностей, выявленных в ходе конкретных археологических исследований.

Т. Ю. Шведчикова

Институт археологии РАН (Москва)

ТАФОНОМИЯ В АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ: ОБ ИДЕЯХ И. А. ЕФРЕМОВА

В современной зарубежной археологической науке, начиная с конца XX в., прочно обосновалось направление, получившее название «тафономия». Термин «тафономия» (от греч. *τάφος* – «могила, погребение», и *νόμος* – «закон») впервые был определен русским палеонтологом Иваном Антоновичем Ефремовым в 1940 г., как изучение закономерности перехода останков животных из биосферы в литосферу, как дисциплина, которая занимает пограничную область между геологией и биологией.. Две статьи вышло на русском и английском языках (Efremov, 1940; Ефремов, 1940). Но именно англоязычная работа дала старт развитию концепции, изначально разработанной для палеонтологии, сначала в контексте археологического исследования, затем в целом спектре научных направлений (антропология, судебная медицина, зоология). Без цитаты опубликованной работы в «*Ran-American Geologist*» сейчас не обходится ни один зарубежный специалист, использующий тафономические подходы, по праву считая Ивана Антоновича основателем дисциплины. В 1943 г. И. А. Ефремовым была написана монография «Тафономия и геологическая летопись», опубликованная только в 1950 г., за которую автор впоследствии получил Сталинскую премию. Среди всего прочего им были определены основные факторы, способствующие фоссилизации органических останков. Установлены агенты, влияющие на деструкцию органической составляющей и процесс фоссилизации. Это физические, химические и биохимические свойства почвы, климатические условия, сохранность останков на момент захоронения, вторичное вмешательство в пространство захоронения (Ефремов, 1950). Но тафономия включает в себя не только исследование разрушения биологического объекта. Это изучение процессов, происходящих на протяжении двух периодов. Первый можно определить как время, начиная со смерти индивида и до его окончательного захоронения (или биостратимию); второй – от финального захоронения до обнаружения останков исследователем (или диагенез). К сожалению, в настоящее время определение «тафономические процессы» очень часто используется исключительно

но в качестве синонима «процессам разрушения», что не соответствует изначальному содержанию термина и всей концепции тафономии. Упускается стадия сложения комплекса, биостратимонии, которая является ключевой для дальнейшего понимания хода диагенетических процессов. Изначальная концепция шире того узкого понимания, которое можно найти в большинстве зарубежных и отечественных публикаций.

И. А. Шутелева, Н. Б. Щербаков

*Институт археологии РАН (Москва),
Башкирский гос. пед. университет (Уфа)*

**ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ
В. Г. ЧАЙЛДА НА ПРИМЕРЕ СОХРАНИВШИХСЯ
ЗАПИСЕЙ В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ АРХИВОВ
КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В 2025 г. отмечается юбилей первого визита в Советский Союз выдающего археолога Вира Гордона Чайлда (1892–1957), состоявшийся в 1935 г. Для истории отечественной археологии фигура В. Г. Чайлда, с его марксистским подходом и блистательным знанием археологического материала, в том числе с территории СССР, является знаковой. Исследование идей и научных подходов В. Г. Чайлда возможно только при помощи реконструкции его жизни и окружения, на основе привлечения широкого круга источников. В Великобритании архивные источники о В. Г. Чайлде хранятся в большом количестве архивов, среди которых Национальные архивы Великобритании (Кью), Архив Общества антикваров Лондона, Департамент Архивов и Манускриптов Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии. В отдельную группу входят многочисленные университетские архивы, среди которых основным является архив и библиотека Института археологии Университетского колледжа Лондона, который В. Г. Чайлд возглавлял с 1946 по 1956 гг.

Реконструкция научного наследия, основанная на анализе документов личного происхождения, эго-документов, в случае В. Г. Чайлда достаточно сложна и требует изучения большего числа архивов и привлечения значительного корпуса архивных материалов. Большая часть личных документов была цензурирована самим В. Г. Чайлдом, уничтожившим в 1957 г. все документы, связанные, по его мнению, с политической деятельностью. В этот круг входили и свидетельства о его взаимодействии с Советским Союзом и советскими учеными. Библиотека Университетского колледжа Лондона (Университета Лондона в период работы там В. Г. Чайлда) сохранила коллекцию изданий отечественных археологов (особенно в период первой половины 1940-х гг.) с дарственными надписями британскому коллеге, что свидетельствует о знании археологического материала СССР и обращении к нему.

Объектом исследования стали эго-документы В. Г. Чайлда, хранящиеся в Отделе рукописей архивов Кембриджского университета, которые позволяют представить ученого-интеллектуала в истории своего времени. Фонд М. К. Беркитта (первый преподаватель дисциплины «доистория» Кембриджского университета) содержит документы, представляющие В. Г. Чайлда как преподавателя, среди выкопировок статей и рисунков по каменному веку находится список вопросов по каменному веку, составленный В. Г. Чайлдом. Фонд Грэйема Кларка содержит несколько писем В. Г. Чайлда и ряд материалов, что не удивительно, так как Г. Кларк и В. Г. Чайлд поддерживали тесные отношения. Также небольшая обоюдная переписка и материалы, отправленные В. Г. Чайлдом, содержатся в фонде Дж. Нидхэма.

Конструируя биографию В. Г. Чайлда, необходимо использовать научно-документальное наследие, прежде всего эго-документы, которые позволят воссоздать формирование основных идей и научные связи британского археолога. Особую важность, на наш взгляд, представляет сравнительный анализ идей и концепций, нашедших отражение в переписке В. Г. Чайлда с советскими археологами, с одной стороны, и с зарубежными коллегами, с другой. Таким образом, мы можем представить фигуру ученого-археолога В. Г. Чайлда, как своеобразный мост между научными концепциями мировой и отечественной археологии середины XX века.

А. С. Якимов, И. В. Чечушков

*Институт криосферы Земли
Тюменского научного центра СО РАН (Тюмень);
Университет Колорадо (Болдер, США)*

ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (АНАЛИЗ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ)

Разновозрастные поселенческие памятники представлены повсеместно и являются уникальными архивами, хранящими информацию об особенностях хозяйственной деятельности древнего населения и их адаптации к изменяющимся природным условиям. Особый интерес представляют естественнонаучные исследования на этих объектах, которые позволяют получать новую, порой уникальную информацию, которая ранее была недоступна. В последние годы наблюдается активная интеграция естественных наук и археологии, образовался своеобразный симбиоз самостоятельных междисциплинарных направлений – археологическое почвоведение, геоархеология, археозоология, которые помогают в решении как археологических, так и естественнонаучных задач. В работе рассматриваются методические подходы в изучении химического состава культурных слоев поселений эпохи поздней бронзы (XIX–XV вв. до н.э.) Южного Зауралья на различных планиграфических элементах: заполнение и дно жилищ, межжилищное пространство, зольники, валы, дороги. С учетом сложных региональных природных особенностей и специфики конструктивно-архитектурной планировки поселений удалось выработать два основных подхода, которые хорошо зарекомендовали себя во время экспедиционных и лабораторных исследований. Опробованы геохимические исследования сплошной площадью (сетка) и по почвенно-геоморфологическому профилю (катена). Установлены их преимущества и слабые стороны, что позволяет правильно использовать их по отдельности или вместе с учетом текущей ситуации на каждом конкретном поселенческом памятнике. Это дает возможность получать максимальный объем достоверной информации, которая является основой дальнейших палеоэкологических реконструкций.

С. А. Яценко

Российский гос. гуманитарный университет (Москва)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ САРМАТСКИХ КУЛЬТУР

Изначально (со времени выделения В. А. Городцовым к 1910 г.) памятники множества группировок сарматов за семь веков на обширной территории от Западного Казахстана до Венгрии виделись как единая культура по аналогии с «классической» степной Скифией. Сегодня признано наличие четырех основных сарматских археологических культур, однако они изучались и изучаются крайне неравномерно и фрагментарно. Ученые воспринимали сарматские общества в контексте культурных стереотипов, возникших еще в греко-римском мире, что особенно заметно в сравнении с оценками соответствующих аспектов культуры у скифов. Раскапывались, за редким исключением, именно курганные некрополи, причем, в силу обстоятельств – обычно не полностью. Изначально (со времени открытия в Хохлаче и Мигулинской в 1864 г.) исследователей и публику интересовали более всего погребения аристократов (почти всегда ограбленные); во второй пол. XX в. это сменилось массовыми раскопками рядовых могил. Сегодня сарматские общества относят к наиболее изученным в археологии Восточной Европы (по количеству исследованных комплексов). Однако на деле в изучении разных аспектов культуры сарматов зияют обширные и часто – неоправданные лакуны. Прежде всего, очевиден крен в исследование ритуальных комплексов погребений (которые лишь причудливо отражают реальную повседневность). Однако обычно очень небольшие некрополи, принадлежавшие, видимо, малым группам из нескольких кочевых семей, пользовавшихся общим пастбищем, еще предстоит всерьез проанализировать на предмет отражения в них реальной демографии. В курганах очень мало детей, часто преобладают мужчины и т.п., а главное – за одно-три столетия в них явно погребали лишь небольшую часть более значимых местных жителей. Нередкое наличие нескольких форм погребальных сооружений в одном мини-атюрном синхронном некрополе отражает, на наш взгляд, реалии соседских общин. Предпринятую попытку выявить социальные градации по материалам погребений трех культур на обширных территориях Азиатской Сарматии в рамках проекта М. Г. Мошковой 1994-2009 гг. можно считать неудовлетворительной: выделенные группы ожидаемо

плохо вписываются в этнографическую реальность известных еще недавно обществ кочевников. После нее потребовались многочисленные дополнительные разработки С. А. Яценко, Е. В. Вдовченкова и др. коллег по разным источникам. Главная (и весьма уязвимая) группа памятников кочевников – их сезонные стоянки – пока фрагментарно изучались в 1970-е гг. лишь в Бужаке (раскопки) и у устья Дона, в Волго-Донских степях (разведки). Вторая важнейшая группа памятников в контактных зонах (в боспорских городах, поселениях донских меотов, Малой Скифии, в лесостепи) нередко нуждается в переосмыслении в контексте следов седентаризации кочевников, смешанных браков, политической зависимости и военных союзов. Особое место занимает изучение греко-сарматского, меото-сарматского и кочевого искусства в плане технологических приемов, иконографии, в том числе – уточнение роли бактрийской и парфянской «торговли» и образцов.

СПИСОК АВТОРОВ

Амиров Шахмардан Назимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, Москва; e-mail: shahmardan@mail.ru

Анохин Иван Владимирович – директор АНО «Научно-исследовательский Центр современной истории», Москва; e-mail: anokhiniv@gmail.com

Берсенева Наталья Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург; e-mail: bersnatasha@mail.ru

Бондаренко Сергей Юрьевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Отдела сопровождения НИОКР Алтайского государственного университета, Барнаул; e-mail: bonsu@yandex.ru

Бородовский Андрей Павлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск; e-mail: altaicenter2011@gmail.com

Варенов Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета, Новосибирск; e-mail: avvarenov@mail.ru

Вдовченков Евгений Викторович – доктор исторических наук, руководитель Центра археологической антропологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; e-mail: vdovchenkov@yandex.ru

Воронин Константин Владимирович – научный сотрудник Института археологии РАН, Москва; e-mail: volter1707@gmail.com

Ганцев Валентин Константинович – кандидат исторических наук, старший преподаватель и научный сотрудник кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь; e-mail: valentin.gancev@mail.ru

Гиблова Анастасия Андреевна – лаборант, Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург;
e-mail: GiblovaAA@yandex.ru

Добровольская Мария Всеволодовна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. лабораторией контекстуальной антропологии Института археологии РАН, Москва;
e-mail: mk_pa@mail.ru

Дьякова Ольга Васильевна – доктор исторических наук, профессор, зав. лабораторией, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток;
e-mail: emelianova49@mail.ru

Елошкин Григорий Александрович – магистрант 1 курса, лаборант; Новосибирский государственный университет; Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
e-mail: g.eloshkin@g.nsu.ru

Емельянчик Ольга Антоновна – кандидат биологических наук, доцент Полоцкого государственного университета им. Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Беларусь;
e-mail: o.emeljanchik@psu.by

Епимахов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета, Челябинск;
e-mail: epimakhovav@susu.ru

Жилина Наталья Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: nvzhilina@yandex.ru

Жуковский Михаил Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва;
e-mail: mzhukovsky@mail.ru

Журбин Игорь Витальевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, Ижевск;
e-mail: zhurbin@udm.ru

Завьялов Владимир Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: v_zavyalov@list.ru

Зимина Оксана Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень;
e-mail: o_winter@mail.ru

Исланова Инна Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: ivisl@mail.ru

Кияшко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург;
e-mail: volgodon5@mail.ru

Ковалевская Вера Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: ver.kov@mail.ru

Кокорина Юлия Георгиевна – доктор филологических наук, профессор Московского политехнического университета, Москва;
e-mail: kokorina@inbox.ru

Колонских Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского ФИЦ РАН, Уфа;
e-mail: kontrobazz@mail.ru

Колосов Владимир Павлович – младший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;
e-mail: tepavi@yandex.ru

Колпаков Евгений Михайлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;
e-mail: eugenkolp@yandex.ru

Комиссаров Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
e-mail: sergai@mail.ru

Коробов Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор РАН, зав. отделом теории и методики Института археологии РАН, Москва;
e-mail: dkorobov@mail.ru

Кочкаров Умар Юсуфович – кандидат исторических наук, зав. научно-отраслевым архивом Института археологии РАН, Москва;
e-mail: umar_k@mail.ru

Крадин Николай Николаевич – академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток;
e-mail: kradin@ihae.ru

Кудинова Мария Андреевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
e-mail: Maria-kudinova@yandex.ru

Лебедев Максим Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва;
e-mail: maximlebedev@mail.ru

Лихтер Юлия Абрамовна – кандидат исторических наук, научный руководитель, Археологические изыскания в строительстве, Москва;
e-mail: julialikhther@gmail.com

Мануилова Екатерина Алексеевна – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, Москва;
e-mail: e.manuilova@ifz.ru

Медведева Мария Владимировна – кандидат исторических наук, зав. архивом Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;
e-mail: marriyam@mail.ru

Мельник Валерий Иосифович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: melvaler@yandex.ru

Мокрушин Владимир Павлович – главный специалист НАО «Наследие Кубани», Краснодар;
e-mail: vlmokrushin@yandex.ru

Наугольных Сергей Владимирович – доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института РАН, Москва;
e-mail: naugolnykh@list.ru

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь;
e-mail: byzance@rambler.ru

Петрова Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: petrovanatalya7@mail.ru

Плеханова Людмила Николаевна – кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения ФИЦ «Пущинский центр биологических исследований» РАН, Пущино;
e-mail: dianthus1@rambler.ru

Покидышева Александра Андреевна – студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург;
e-mail: sasha.pokidysheva@yandex.ru

Сакания Сурам Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия;
e-mail: suram_sakania@mail.ru

Сарапулкина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Севастопольского государственного университета, Севастополь;
e-mail: sarapulkina@mail.ru

Синицын Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;
e-mail: andrei.sinitsyn@gmail.com

Сорокин Алексей Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: ansorokin52@gmail.com

Суханов Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: sukhanov_ev@mail.ru

Татаурова Лариса Вениаминовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Омск;
e-mail: li-sa65@mail.ru

Терехова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: nnterekhova33@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой археологии, этнографии и музеологии Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул;
e-mail: <tishkin210@mail.ru; tishkin@mail.asu.ru>

Ткач Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;
e-mail: jenij90@mail.ru

Ткачев Александр Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень;
e-mail: sever626@mail.ru

Требелева Галина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: trgv@mail.ru

Файферт Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий археолог Государственного автономного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие», Ростов-на-Дону;
e-mail: faiferta@yandex.ru

Цетлин Юрий Борисович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Чечушков Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, PhD, научный сотрудник Университета Колорадо, Болдер, США;
e-mail: chivpost@gmail.com

Шведчикова Татьяна Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, Москва;
e-mail: Tashved@gmail.com

Шутелева Ия Александровна – кандидат исторических наук, доцент
Башкирского государственного педагогического университета им.
М. Акмуллы; научный сотрудник Института археологии РАН;
Уфа, Москва;
e-mail: shutelevai@gmail.com

Щербаков Николай Борисович – кандидат исторических наук, доцент
Башкирского государственного педагогического университета им.
М. Акмуллы; научный сотрудник Института археологии РАН;
Уфа, Москва;
e-mail: sherbakov@rambler.ru

Якимов Артем Сергеевич – кандидат географических наук, ведущий на-
учный сотрудник Института криосферы Земли Тюменского научного
центра СО РАН, Тюмень;
e-mail: Yakimov_Artem@mail.ru

Яценко Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор
Российского государственного гуманитарного университета, Москва;
e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

Научное издание

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СЕГОДНЯ:
НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ, КОНЦЕПЦИИ, МЕТОДЫ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Редактор: *Д. С. Коробов*

Дизайн и верстка: *С. В. Кожушков*

Электронное издание

E-mail: ia.ras@mail.ru

www.archaeolog.ru

Подписано 11.11.2025. Формат 70×100/16

Уч.-изд.л. 4,0

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
+7 499 126 47 98

ISBN 978-5-94375-482-1

9 785943 754821